

КАРИНА ДЕМИНА.
ЕВГЕНИЙ ДАНИЛОВ

НАИРАТ

*Смерть
ничего не решает*

Наират

АНТОН ЛИК

Смерть ничего не решает

«Снежный Ком»

2020

Лик А.

Смерть ничего не решает / А. Лик — «Снежный Ком»,
2020 — (Наират)

ISBN 978-5-904919-54-2

Много лет прошло с тех пор, как Наират пал перед степняками. В старинных дворцах теперь сидят нойоны и кунгаи: возлежат на подушках, пьют дорогие вина и устраивают кровавые игрища ради потехи. Но война для наиратского каганата не прекращается ни на день. Изгой, которую в буквальном смысле сбросили с небес за подлое убийство на дуэли. Вахтангар, оказавшийся в бегах и вынужденный прибиться к разбойникам. Поэт и книжник, которому предстоит стать лазутчиком в дикой и жестокой стране. А ясноокий каган стар, и, значит, схватка за белую кошму уже идет. Перед вами первая книга дилогии «Наират»: жесткая, атмосферная, не уступающая лучшим образчикам переводного фэнтези!

ISBN 978-5-904919-54-2

© Лик А., 2020
© Снежный Ком, 2020

Содержание

Пролог	5
Триада 1	7
Элья	7
Бельт	20
Туран	30
Триада 2	41
Элья	41
Бельт	54
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Антон Лик

Смерть ничего не решает

Пролог

Меня убили сегодня, в четверть третьего пополудни в полутемном дворе. Я знал это место. Три стены из желтого песчаника с петлями *золотарницы* и горбатый мост на арочной основе. Вытоптанная земля и редкие клочья травы у пропыленных опор.

Я часто дрался на дуэли и столь же часто побеждал. А умирал впервые.

Это было подло – наносить удар после официальной остановки боя. И втройне подло бить в спину, в неприкрытый более узел. Укол, хруст ломающейся кости, острая боль между лопатками, стремительно тяжелеющие крылья. И на долю мгновенья мир замирает. А потом... Потом солнце, такое непривычно подвижное, виляет влево, и тени бросаются под ноги, все разом, растворяя свет и отнимая силы; земля, качнувшись, обнимает, лижет щеку пыльным языком – я это не чувствую – вижу. Как вижу и сапоги убийцы, желтые и вытертые, с мелкими трещинами, будто сшитые из песчаника. Над ними – руки, в правой – свернутый кнут-браан, в левой – дымящийся нож.

– Ты заслужил, – говорит она, и крылья вздрагивают, выдавая напряжение. – Ты же знаешь, что заслужил, ты виноват, из-за тебя...

...из-за нее я умираю. Из-за девчонки, которая слишком слаба, чтобы играть честно, и слишком доверчива, чтобы думать самой. Я пробую это сказать, но в горле клокочет кровь, кислая и горячая, и я, уже заколотый, захлебываюсь, тону в ней. Наверное, это смешно.

Отсюда уже все смешно – и попытки доктора Ваабе удержать меня, и слабость собственного тела, которое упрямо истекает кровью. Хороший удар.

Но смешнее всего секунданты, что запоздало кричат друг на друга.

Брат расстроится, и Фаахи тоже. Меня обзовут глупцом, попавшимся в столь примитивную ловушку, и будут отчасти правы, я ведь до последнего надеялся, что она...

Она сделала выбор. Сразу и за всех. Заслужили.

– Ну что, довольна? – Раард отбирает нож. – Добилась справедливости?

Добилась. Они – и девчонка, и пославшие ее, и доктор, и секунданты – не понимают: все, что делается здесь или *внизу* – справедливо. Всегда справедливо. И поэтому всегда страшно.

Уже почти.

Немногое осталось, и мир меняется. Весь. Он всегда меняется, но никто этого не видит. Я заметил и вот теперь умираю. И радуюсь, что не увижу, во что он превратится дальше.

Звуки проступают ярко, а с ними цвета и запахи, которых не было прежде. Смятение Раарда – хризолитово-черное, как крылья его подопечной, темно-желтый страх, с оттенком золотарницы-удивления, и привкусом черники-боли. Смешение.

Прикосновения горячих пальцев к шее: давят на какие-то точки, жгут эманом. Бессмысленно. Ваабе просто пытается выполнить предписания, даже понимая всю безнадежность. И я не знаю, хочет ли доктор на самом деле услышать мое сердце. Но в любом случае оно молчит.

А Раард говорит. Не мне – ей:

– Браан тоже отдай. Надеюсь, ты понимала, чего творишь.

Вряд ли. Но когда-нибудь поймет, я уверен. Мне даже жаль ее.

И брата тоже жаль. Я должен был донести до него правду. Хотя бы до него.

– Господа, – заговорил доктор. Он весь ледяной, кроме кончиков пальцев, воняет формалином и недовольством. – Имею вам сообщить, что сего дня в четверть третьего пополудни благороднейший Каваард Урт-Хаас был убит. В связи с чем настоятельно рекомендую задер-

жать Элью Ван-Хаард до окончания следственных процедур. Я лично доложу совету о произошедшем.

– Пошли. – Раард с ней строг, но это ложь, в которой он скрывает растерянность. – Глупая, при таком ударе тебе не отвертеться: расчетлив и точен. Хорош. Даже слишком.

Хорош, тут соглашусь: она старалась.

И я умер. Интересно, в этом есть какой-то смысл?

Триада 1

Элья

Если разделить уродца пополам, получим двух мертвых уродцев. У тебя хватит на это смелости?

Памфлет о трех мирах, больше известный как Вопросы третьему уродцу.

– Я хочу резать! – сказал кусок железа. И отправился в горы. Кузнецовы балобонки.

Перераспределение и территория *приемки* – это нормально. Это, считай, повезло. С учетом обстоятельств дела с Эльей могли обойтись и покруче. Но раздражения мысль не уменьшала, хотелось вогнать кинжал в живот хотя бы тренировочному чучелу. Увы, нельзя. Причина – маленький бланк с бурым пятном-оттиском Канцелярии. И двери родных казарм захлопываются перед Эльиным носом. Ну да, не положено нарушителю расхаживать среди честных воинов-фейхтов. И вроде бы правильно всё, предсказуемо, но до тошноты несправедливо.

Потому Элья и решила убраться отсюда затемно. Походная сумка с пожитками и сверток с оружием ждали на деревянной лежанке. Помощник интенданта – кто-то новый, с незнакомым рисунком крыла – принял по описи матрас, осмотрел прикроватный сундук и еще раз проверил печати на шнурах оружейного свертка, после чего свинцовым карандашом указал на выход, где уже переминался в ожидании провожатый. Ни слова прощания. Так и надо. Элья не намеревалась оставлять казармы надолго.

Провожатый, кривокрылый служащий-икке, словно чувствовал её внутреннее напряжение, а потому не поднимал взгляд от земли и кланялся каждые двадцать шагов. Впрочем, Элью сейчас занимала вовсе не эта слабая особь, а новое место службы. Внутренний надзор территории *приемки*. Нечего сказать, непыльная работенка выпала – край неба сторожить. Смотри себе за складами да разнимай драки, что регулярно случаются на выходах из порталов. Прикидывайся, мол, бывалому фейхту это вовсе не зазорно. Тьфу, мерзость!

По мере спуска ветшали дома, становясь ниже и гаже с виду. Каменные лестницы уступали место деревянным, а после и веревочным. Все реже попадались арки мостов, а воздух тяжелел. Элья даже остановилась, переводя дыхание. Да что это такое? Чтобы у нормального фейхта после небольшой прогулки одышка появилась? Невозможно! Икке вон, пасть раззявив, хлебает воздух, дергает недоразвитыми обрубками, несимметрично торчащими из-за плеч. Но это же икке. А Элья – фейхт, другое дело.

Развернув крылья, она ускорила шаг, отмечая, как привычно, но неприятно ноет спина. Икке дернулся было следом, пробежал пару метров и остановился, опираясь обеими руками о стену кордегардии. Он силно дышал и громко кашлял, сплевывая темным. Больной, что ли? Ну, довел и ладно. От икке нельзя требовать многого.

Перед дверью Элья замерла, успокаивая сердцебиение и сухое дыхание. Поколебавшись секунду, все же перегнала толику энергии из крыльев в тело. Сразу стало легче. И уверенность появилась. Вовремя, потому как из-за двери донеслось:

– Заходи уже.

Интересно, ее услышали или почувствовали? Хотя, скорее всего, засекли громкого икке. А внутри минимум двое, но один спит. Или прячется.

Расправив крылья так, чтобы можно было разглядеть их силуэт и рисунок, Элья вошла и остановилась в трех локтях от офицера. Как гласит устав: на расстоянии половины длины боевого кнута. Мысль про браан царапнула свежую рану – до разбирательства он конфискован, а фейхт без браана – половина воина.

Офицер, огромный склан с лицом цвета стальной стружки, вытер руки и бросил полотенце на край медного таза. Пялиться на начальство не полагалось, а потому Элья уставилась прямо перед собой и попыталась почувствовать второго. Тот самый, показавшийся спящим, вполне себе живо двигался и держался на самом краю видимости. Нарочно?

Бесит.

– Элья ван Хаард...

Офицер махнул рукой.

– Можешь не надрывать, – произнес он и указал на угол стола, где лежала аккуратная стопка бумаг. – Наслышан. Вам всем там, *внизу*, голову отшибает?

Знакомая манера. И отвечать, разумеется, не положено.

– Я чрезвычайно рад, что внутренний надзор теперь воспринимают как гауптвахту. А ты рад, Джуум?

За спиной молчали.

– Вот скажи, на кой ляд мне сдался фейхт без кнута? Не знаешь? И я не знаю. Зато Канцелярия все знает. А что ты будешь делать, если при переброске кто-то из твоих же зачудит? Кто-то при броне и с брааном? Что она будет делать, Джуум?

– Охранять правопорядок любым возможным способом, – сказал Джуум и встал так, чтобы Элья, наконец, могла его видеть.

Зрелище ей не понравилось: по форме крыла явный фейхт, но весь какой-то перекоренный. Лопасть разодрана шрамами, а мембрана полностью выгорела, и теперь крыло напоминало лист, в котором жучки выели мягкую плоть, оставив нетронутыми сухие жилки. И ведь раны-то давние, а следов восстановления нет.

А Джуум тем временем продолжил:

– Разумеется, с порядком несения здешней службы ты не знакома?

– Не знакома, – отозвалась Элья, отводя взгляд от искалеченных крыльев. Смогла бы она так доживать, не известно на что надеюсь?

– Тогда вещи – вот в тот шкаф. Ах, да...

Джуум даже не стал ломать печати на свертке с оружием, просто взрезал шнуры кинжалом.

– Пяль железо и шагом марш за мной на инструктаж.

Привычная тяжесть успокоила, но лишь немного.

Весело стало сразу после полудня. Первый день и первый труп в каком-то дальнем ангаре. Великолепное начало службы. Вот тебе и временное понижение – возись теперь с мертвяками...

Дорогу среди однотипных коробок зоны приемки предстояло отыскать самостоятельно. Пусть Джуум и объяснил вкратце, как выйти на нужный номер, но от провожатого Элья не отказалась бы. Только давешний икке куда-то исчез. В этом вся их сущность, одно слово – бесполезные.

А запутаться было легко – одинаковые строения, безглазые и многодверные, меченные по собственной, не до конца ясной системе. Изначально низкие, они еще больше проседали под саванами серых кровель. В распахнутых воротах виднелись горы бесполезного ныне барахла. Вот желтые тюки шелкопрядильных фабрик. Вот валики перезревшего мха, частью развороченные крысами. Вот плоские ящики, из щелей которых торчит свалывшаяся солома, а если подойти ближе, потянет химическим запахом.

Ангар, подпертый пухлыми башенками, нашелся за хранилищем стекла. Судя по знаку над воротами – нужное место.

В нос шибануло формалиновой вонью, крепкой, аж глаза заслезились. Изнутри местечко выглядело и вовсе странно: ящички-ящички-ящички во всю стену. Открытые – со связками свитков, закрытые – с сургучовыми нащепками поверх скважин. Трезубец светильника, неоправданно яркого для этого сарая, торчал в углу, отлично освещая стеклянное покрытие стола. И скукоженный труп с вывернутым крылом.

Мертвый икке лежал, притянув ноги к груди и сдавив руками голову. Ногти разодрали кожу, выпуская кровь, но она, вместо того, чтобы выгореть, застыла студенистыми бляшками. Не без труда Элья узнала в мертвце утреннего провожатого.

Над ним склонился доктор-дъен в мятом фартуке и грязноватой фракке. Рукава закатаны по локти. Еще более грязный плащ небрежно наброшен на плечи, распластался поверх крыльев, мешая различить рисунок. Специально?

Придерживая голову мертвца за подбородок, доктор пытался снять кровавой сгусток, но что-то не ладилось. С появлением Элья занятие свое он не бросил, только рукой махнул, приглашая подойти поближе, и буркнул в полголоса:

– Новенькая?

– Сегодня прислали. Вместе с ним.

Доктор кивнул.

– Бывают совпадения. А у нас тут старая песня. Прошу тебя, как представителя внутреннего надзора осмотреть тело и засвидетельствовать отсутствие внешних повреждений. Ну, кроме, тех, что от его собственных ногтей. Ты ведь знаешь, что такое смертельные раны?

Элья хмыкнула.

– С этой стороны все нормально, – сказала она. – Его бы перевернуть.

Кожа, неестественно побелевшая, казалась сухой и ломкой даже на вид. Потому Элья не удивилась, когда от прикосновения доктора она треснула и сползла, обнажая седоватую мышцу. Но отвернуться захотела.

Всевидящий, дай терпения на эту яму! Хотя бы до конца недели. Ну, или на две, дольше ее держать не станут. В конце концов, это же просто формальность.

– Здесь тоже с виду ничего, кроме дырок от ваших пальцев, доктор.

– Вот и славно. Теперь – моя очередь.

Доктор, вооружившись парой игл с закорючками на концах, приподнял веки и, заглянув в глаза, Провел крючком по главному яблоку. Бросил комок в пробирку с мутноватой жидкостью. Потом снял-таки подсохшую кровь и отправил во вторую пробирку.

– Что, не приходилось видеть такого?

Такого – нет. Хотя этот труп даже лучше многих иных... Растоптанных копытами человеческой конницы. Проколотых копьями и расшитых стрелами. Изрубленных, истерзанных, сожженных. Убитых ударом в спину...

Просто непривычно видеть, чтобы умирали без ран. Наверное, прав офицер – голову отшибает у всех, вернувшихся *снизу*.

Доктор попытался растянуть крыло, но сведенные судорогой жилы затрещали, а мембрана посыпалась серым пеплом. Проклятье! Одна надежда, что это не заразно, иначе разумный доктор – а дъены славятся своей разумностью, ведь так? – не стал бы ковыряться в мертвом теле голыми руками.

– Как по мне, причина смерти – острая дистрофия, вызванная длительным эмановым голоданием, – сказал он, переворачивая труп на другой бок. Теперь крылья обломались, а Элья получила возможность рассмотреть спину. Дуга позвоночника, полукружья ребер, кое-где проравших кожу, черные пятна между лопатками.

– А это? – К пятнам она прикоснулась не решилась.

- Это? Трофические язвы. Типичный признак третьей стадии голодания.
- Значит, его не убили? – попытожила Эля, отыскивая взглядом место, где можно вымыть руки.
- Ну, как сказать. Формально, нет, но...
- Всевидящий, дай терпения!
- Его смерть не является насильственной ни с моей, ни с вашей точки зрения. Так?
- Так, – покорно согласился доктор, вгоняя широкое лезвие между обломкам крыльев мертвеца.
- Вот и хорошо. Благодарю.
- У самой двери дьен окликнул Элю:
- Послушай! Я понимаю, ты только прибыла, новые заботы и все такое, но... Тебе и вправду все равно, что с ним произошло?
- Абсолютно, – совершенно честно ответила Эля.
- Главное, что ей не придется отвечать еще и за эту смерть.

Ступеньки уходили в бездну, прикрытую пологом сизых туч. Время от времени ветер поднимал волны влажного тумана и гнал их на штурм лестницы. Но всякий раз грозное войско разбивалось о мраморные статуи. Первыми встречали натиск каменные уродцы-икке. Их кривые крылья, перекрещиваясь, заслоняли бездну. Искаженные лица казались отражением друг друга, а нелепо вывернутые руки смыкались аркой, над которой зелено-желтой крышей нависала золотарница. Тяжелые стебли тянулись выше, находя опору на плечах мастеровых-винст, чей облик менялся с каждой ступенькой. На середине лестницы рожденных-для-малой-пользы сменяли дьен, рожденные-служить, а после и рожденные-воевать, острокрылые фейхты. На их поясах золотарница повисала тремя витками – неотличима от настоящего кнута-браана.

– А где же гебораан и хаанги? – поинтересовался Фраахи, упирая клюку в опустевший постамент. Еще несколько белыми кубками возвышались по другую сторону ступеней.

Старый клан поплотнее запахнул фракку и поправил брошь в виде жука, растопыренные лапы которого удерживали тяжелый плащ.

– На реставрации. – Скэр, поддавшись порыву, запрыгнул на пустующую платформу, отбросил собственную накидку и расправил тяжелые крылья. – Будет как-то так.

Фраахи коротко кивнул и заковылял в противоположную часть сада, к столу и парочке кресел. А ветер, прокатившись по лестнице, толкнул в крыло, наполняя лимфу эманом. Спина полыхнула быстрым жаром, заколотилось сердце, перегоняя горячую кровь в пальцы. И против воли подушечки указательного и большого сомкнулись, чтобы тут же разойтись, вытягивая первую нить зародыша.

Не время и не место. Фраахи ждет. И Скэр не без сожаления спрыгнул с постамента. Пальцы двигались сами, укладывая слой за слоем. Жемчужина линга росла. Белая. Пусть будет белая. Хороший цвет.

– Итак, ты своего добился. – Фраахи долго устраивался в кресле, кряхтел, ерзал, меняя форму крыльев, пока те не повисли грязными тряпочками. – Каваард мертв.

– И я искренне сожалею об этой потере.

Фраахи фыркнул и, вытянув клюку – она уперлась в сапог Скэра – заметил:

– Надеюсь, ты хорошо понимал, что делаешь?

– Я к этой дуэли отношения не имею.

– Послушай, я ненавижу сырость, но еще больше – пустые разговоры, которыми ты меня потчешь. Оставь их. Я пришел сюда, а не на Совет, хотя мог бы и иначе. Каваард мне все-таки родственник.

Угроза? Предложение перемирия? Пусть говорит, трухлявый пенек.

Жемчужина выходила темно-лиловой. В последнее время частый цвет. Хорошо хоть окраска на свойства не влияет, иначе пришлось бы выдумывать объяснение.

– Сложно иметь в родичах хаанги. – Старик вздохнул. – Они считают себя даже не выше остальных, а в стороне от них... И если бы это было так. Но он был в самом центре. Упрямец. А потому пусть покоятся с миром и он, и его безумные идеи. Да, гебораан Скэр, я пришел сказать, что считаю эту смерть... полезной для всех нас. Мой голос в Совете – твой. А там где мой голос, там целый хор.

Выверенные слова и скупые жесты. Жесткий тон и совсем нестарческий голос. Привычка читать речи сказывается? И ведь ни грана лжи в его словах, ни толики самолюбования – только констатация.

– Но ты не закончил дело, Скэр. Младший брат Каваарда ярится. Он не интересовался делами родственника-хаанги и, признаться, сам его не любил, но тут уже дело в престиже ветви. Бракаар молод и глуповат, а потому может наделать шума. А некий симпатичный фейхт спокойно разгуливает где-то в зоне *приемки*.

Раздражало то, что при всей прозрачности проблемы, от нее нельзя просто отмахнуться. Нужно грамотное решение. Интересно, насколько одинаково видят его молодой и старый геборааны?

Последние слои ложатся туго, норовя сбиться и нарушить идеальность формы. И пусть форма, как и цвет, не влияет на свойства, но Скэру нравится, когда его линг идеален.

– Наш бескрылый друг готов поделиться тем, что предлагал Каваарду, – произнес Фраахи с довольным видом. – Разумеется, он настаивает на своем странном условии.

Говорит, намекая на решение, столь же очевидное, как и проблема. Проверяет? Пожалуй. Но задачу в этом виде Скэр решил давно. Значит ли это, что их с Фраахи взгляды близки?

– А для чего нам вообще иметь дело с бескрылым? – Скэр наморщил лоб. Пусть старик думает, что открывает ему нечто новое. – Проще всего окончательно обрубить эту нить, не останавливаясь на полдороге.

– Это нужно потому, что я предпочитаю уничтожить источники сведений, только ознакомившись с их содержанием. К тому же условие нашего друга уж очень на руку. И не лги мне, что не думал об этом.

Старый крысец прячет под плащом сильные крылья. Слишком рано списывать Фраахи в утиль.

– Я рад, что мы мыслим в одном направлении, – сухо произнес Скэр, сращивая нити. – Более того, я думал даже над тем, как дать нашему другу то, что он хочет, но не так, как он хочет. И, кажется, придумал. Но для этого мне понадобится небольшая поддержка.

– С радостью окажу любую поддержку благому начинанию. И к слову о начинаниях: войну пора заканчивать. Момент удобный. Нам повезло, что после Вед-Хаальд и люди хотят мира. А мы... – Фраахи прижал рукой шапочку, которую ветер едва не сорвал с облысевшей головы. – Мы не потянем дальше. И ты достаточно умен, чтобы остановиться на краю...

Сомнительный комплемент.

– ...и понять, что теперь жара хватит даже при тусклом солнце.

– Если бы мне нужен был твой совет...

– ...ты бы его получил. – Фраахи жмурился, подставляя лицо ветру. – Я думаю, тебе следует принять предложение того человека.

Нити срослись в одно целое, но верхний слой еще оставался мягким.

– Которого?

– Обоих.

– Кинуть кость каждому? – переспросил Скэр, поддерживая иллюзию разговора. Фраахи засмеялся:

– Главное, кости не перепутать.

Темно-лиловый шар на протянутой ладони. Бессмысленный символ, но Фраахи пришелся по вкусу. Взяв жемчужину двумя пальцами, сдавил в ладони, прислушался и, наконец, сказал:

– Хорошая работа. У тебя с самого начала был высокий потенциал. Не менее высокий, чем у хаанги.

– Благодарю.

Фраахи кивнул и, убрав клюку от сапога, посоветовал:

– А с делом не торопись. Пусть все будет выверено и законно.

К концу второй недели в этом месте Элью раздражало буквально все. Казармы, вытянувшиеся полукругом, который и служил границей территории; россыпь складов разной степени заброшенности; обилие икке, которыми кишела эта клоака.

Служба была скучной и бессмысленной. Нудные патрули по местным закоулкам и редким развлечением – драки. Но стоило подойти, и они прекращались сами собой.

Но когда сквозь синюю завесу портала прорывались отряды фейхтов, территория оживала. Становилось ли от этого лучше Элье? Скорее, наоборот. Отсеченные руки, затянутые свежими шрамами лица, выгоревшие крылья... Там внизу мало эмана, а внутреннего запаса на все не хватает. Элья это отлично знала по собственному опыту. А потому ее не удивляли вереницы раненных, а тем более – убитых. Их тоже поднимали наверх. Не всех, только тех, кого можно было забрать.

Иногда в каменном мешке появлялись пленные люди и тогда к порталу подтягивались алые фракки особого надзора. Эти бесцеремонно распахивали и замешкавшихся грузчиков-икке и обычных патрульных фейхтов вроде Эльи. Сучьи дети при этом скалились и перебрасывались шуточками, от которых ныло в груди, а руки сами тянулись к поясу.

Вернется. Все когда-нибудь вернется на круги своя. Главное, не терять веры. Элья не заразится местной безысходностью, она в этой яме временно. И совсем уже скоро за ней придут.

Но пока шли исключительно мимо. Всего внимания от хромающего фейхта – взмах руки, отойди, мол.

Чужая. И для местных тоже. Хотя на них плевать, специально ни с кем не знакомилась толком. Но свои-то, свои, боевые...

– Эй. – Воин во фракке, пробитой с дюжину раз, скользнул взглядом по её напряженному крылу. – Теплое местечко нашла, сестричка.

Поддержали свистом, от которого сделалось совсем мутно. И спину заломило, вот-вот вспыхнут крылья, но... со своими драться? Зачем, когда чужих хватает? Когда есть люди... Когда ярк в памяти поворот, удар и треск кости под лопастью крыла. Визг коня и удивленные глаза всадника, еще не понимающего, что ему конец. Хмельная радость и браан змеей летит, прожигая гортань. И снова крылом, выворачиваясь, ныряя под ноги следующему, распрямляясь и вспарывая брюхо – пусть исходит паром сизая трубуха на снегу. Вскрывая глотку – пусть летит алый бисер. Эманом по броне, крылом по плоти, сталью по стали. Добивая. Уже потом, на отступлении, когда схлынет волна из мяса и железа, оставив на берегу слабо копошащиеся обрубки тел. Тогда привычно заносит спина, и остатки мембраны слезут с крыла, как лохмотья сгоревшей кожи. Тогда захочется пить и убраться подальше. Но надо будет вогнать клинок между пластинами тегилля, так, чтобы хрустнуло, а яблоко рукояти оставило след на ладони. Белый отпечаток будет долго держаться клеймом. И только когда крылья зарастут – мембрана поначалу будет сухой и тонкой, как старый пергамент – кожа вернет нормальный графитовый цвет. Но трубы заглушат голос ветра, требуя собраться. А чуть позже вздрогнет земля, предупреждая: снова идут люди.

И почему кажется, что это воспоминание – одно на всех, кто выходит сейчас из портала? Но до суда Элья запрещено делить его с честными фейхтами.

Склана увидела издали Джуума и скользнула за угол. Меньше всего ей сейчас хотелось попадаться на глаза офицеру внутреннего надзора. Уж лучше сделать еще один дальний обход.

Со спины они походили на камни. Ряд сероватых булыжников, за какой-то надобностью взгроможденных на парапет белого мрамора. Вот только у настоящих булыжников не растут крылья, даже такие уродливые. Узкие лопасти со сросшимися жилками и пустыми ячейками, многие из которых никогда не затягиваются. Мутная, как плохое стекло, мембрана. Пульсирующая в такт сердцу опухоль между лопатками.

Элья сама не понимала, зачем она смотрит на это уродство. И почему икке-нут, обычно пугливые, не спешат разбежаться. Сидят, жмутся друг к другу локтями, глядя через плечи, но не уходят.

– Мы не нарушаем, уважаемая, – наконец, соизволил сказать один, неловко переворачиваясь боком. Стала видна грудь с торчащими ребрами, и острый локоть, с которого сползали, переплетаясь, узкие ленты мышц. И гроздь черных пятен чуть ниже затылка. Совсем как у того, который умер в первый день Эльиной службы. Желание прогнать – просто, чтобы избавиться себя от омерзительного зрелища – пропало, сменяясь любопытством.

– Что вы здесь делаете?

– Душно, уважаемая. – Икке спрыгнул, и соседи-булыжники тотчас сдвинулись, зарасивая свободное пространство. – Вы разве не чувствуете, как тут душно?

А он почти нормальный, если спереди смотреть. Самую малость, видать, не хватило, чтобы в «полезные» попасть.

– Душновато, – согласилась Элья. – Это потому, что здесь низко.

Зачем она вообще разговаривает с ними? Не нарушают, и хорошо. Пусть себе сидят, греют корявые спинки под закатным солнышком, щебечут о своем, бесполезном. Или пусть расходятся и щебечут в другом месте. Она еще не решила.

Икке, застывший в позе одновременно и почтительной, и лишенной намека на лесть, осмелился возразить:

– Это потому, что эмана мало.

Те, которые на парапете, закивали.

Мало? Разумеется, с ним сейчас туго, особенно здесь, но война вообще сбивала привычные потоки. Глупые икке часто не понимают очевидного. Или дело в том, что она фейхт и умеет приспособливаться, обходиться внутренним запасом? Или в том, что они икке и им тяжело тянуть извне? Хотя какая, к демонам, разница?

Она уже собиралась уйти, когда икке вновь нарушил правила:

– Ходит слух, что из человеческой крови можно выварить эман.

Десятки глаз уставились на Элью, ожидая... чего? Подтверждения? Вправду говорят: какие крылья, такие и мозги. И Элья, глядя в тусклые желтые глаза, ответила очередной поговоркой:

– Если бы скланы летали – жизнь была бы иной. А ты, если веришь в чушь про человеческую кровь – попросись вниз. Там её хватает. Всякой.

И только у самых казарм в голову пришла мысль: годись человеческая кровь для подобных целей – на Островах уже давно работали бы соответствующие фабрики. Да и в самих людях появился бы хоть какой-то смысл.

А все-таки территории приемки действительно душновато. Наверное, из-за портала.

Больше всего засадой вонял угол двухэтажного дома со знаком мастерской. Но до него оставался добрый десяток метров, а потому Элья скользнула в сторону. И чуть не напоролась

на кинжал. Заработала руками, отводя удары, сыплющиеся один за другим. Крылья мгновенно потеплели, но расправить их мешала узость перехода. Впрочем, с этой бедой помог сам нападающий, пинком вытолкнув Элью обратно на улицу.

Склана, разогревшаяся уже вполне достаточно, отскочила еще на несколько шагов. За спиной – никого. Из-за того самого угла выходят двое, явно воины. Еще несколько тел копошится у стены следующего здания: угловатые пятна в серой мути припортального воздуха. Это икке, не страшнее стаи крысцов-падальщиков. И в драку вступать не станут.

– Ну? – Бракаар вышел из перехода, чуть подпрыгивая.

Он был похож на брата. Высокий. Сухопарый. Притворно-неуклюжий. Шкура отликает благородной синевой, свидетельствующей о чистоте крови, а лопасть крыла характерно-дымчатая, расчерченная узором родового рисунка, почти совершенного. Но в этом «почти» – главное отличие от брата. Ну и в том, что Бракаар пока жив и сжимает в руке боевой браан. А вот у Эльи лишь кинжал и стальной стек, правда, с тяжелым наконечником.

– Дуэль? – Кинжал – в левую, стек – в правую. Джуум говорил, что эта железяка неплохо канализирует внутренний эман. Вот и случай проверить.

– Дуэль? А разве кто-то говорит о ней? Таких, как ты режут в подворотнях.

Бракаар расправил крылья даже больше, чем следует для боя. Бахвалится. Кнутом бы сейчас перетянуть да по самому краешку, пробивая защиту и рассекая опорные жилы. Так, чтобы неделю потом заращивал. Вот была бы наука... И ему, и этим двоим, которые отрезали пути отступления. Если втроем пойдут, придется худо. Но кажется, это просто наблюдатели.

Правильно, незачем решать чужие проблемы.

– Ну? – Горячая волна эмана прошла по крови. Крылья обмякли, легли плащом. Вот так будет хорошо, теперь брааном по ним не достать.

Бракаар начал первым. Щелкнул кнутом, расцветившая серые стены ярко-голубой вспышкой. Впустую: такие штуки надо применять умеючи и в подходящий момент, а не просто спускать эман в воздух.

Короткими шагами Элья выхаживала вокруг него, экономя силы и выбирая дистанцию. Крылья Бракаара пылали невидимым огнем, тем самым, что взрывался искрами на кончике его кнута. Браан поблескивал холодным светом, но склана знала, как обжигающе он может пройти по телу.

Хлопок у самого носа. Нежное касание волос. Вспышка. Чуть правее и ослепила бы. Немного левее и достал бы. Медленнее... Быстрее... Движение – жизнь. Но Бракаар не чувствует его. Не понимает, где гнев фейхта Эльи, где лишь его след и как он изменит направление в следующий миг. А непонимание – смерть.

Элья нарочито дернула левым плечом, ушла на полстопы в противоположную сторону и метнула стек. Незаряженный прут пришелся точно под дых. Бракаар замер ровно настолько, чтобы Элья ухватила его за рукав фракки и развернула. *Горячие* крылья противника оказались перед лицом, но склана лишь легонько стукнула ладонью между ними. А вот пинок отвесила со всей силой, так, что Бракаар пролетел кубарем несколько метров.

Вот и вся дуэль.

Он подскочил, шипя, матерясь и пытаясь восстановить дыхание. Крылья судорожно вздрагивали, истекали битумом пережатой мембраны, но, кажется, Бракаар так ничего и не понял.

– Хочешь следом за братцем? – Элья подняла стек, не выпуская из поля зрения всех троих. – Теперь, я знаю, каков твой узел на ощупь. Шагай отсюда, недобиток.

Где-то в дали уже мелькали фракки внутреннего надзора.

Бракаар было снова двинулся на Элью, но один из фейхтов перехватил его и что-то зашептал. Не произнеся более ни слова, троица скрылась в переходе. Довольно резво, но Элья была даже рада этому, ибо не пришлось объясняться с новыми сослуживцами.

Схватка подняла настроение, почти примилив с территорией приемки. Нет, Элья все-таки в хорошей форме. Бракаар не такой уж и паршивый фейхт, просто она – лучше. И не только его. А вообще все отлично закончилось. Еще одного убиенного ей бы точно не простили, и плевать, что самооборона.

Проходя мимо парапета, на котором жались друг к другу серые комки-икке, Элья кивнула им, как старым знакомым.

Вечерний воздух был по-осеннему прохладен. Небо – драная сеть перьевых облаков, поймавшая куски чего-то серого. Черные шпиди Ун-Кааш, словно зубы невиданного зверя, на которых повисло гаснущее солнце. Запах копченой рыбы и шелест шагов за спиной. Снова крадутся? Нет. Не чужаки – местные, почти растворившиеся в этой клоаке и оттого незаметные. Но не для фейхта. Завернув в узкую улочку между двумя складами, Элья обернулась. Так и есть – кривокрылый. Кажется, это был тот самый, который недавно разговаривал с ней. Чего ему опять надо?

– Извините. – Икке поспешно согнулся в поклоне, отступая на дозволенное расстояние. – Я подумал, что вам пригодится.

Он протянул плетенку с тускло светящимся шаром-фонарем. И к чему такая любезность?

– И еще спросить. – Замялся, не решаясь ни уйти, ни задать-таки вопрос, из-за которого он ташился следом. Разрешения ждет? Что ж, пусть считает, что ему повезло: настроение у Эльи вполне подходящее.

– По дороге спросишь.

Он шел, с легкостью выдерживая положенные три шага, и шар нес гордо, точно зная. А вот спрашивать не торопился. Только когда впереди показалось знакомая туша казармы, заговорил:

– Ходит слух, что когда война закончится, нас всех сошлют вниз.

– Вас?

– Икке. Низших из винст. И остальных, кто...

– ...нарушил закон, – подсказала Элья. Надо же, какой вежливый. Или умный, несмотря на то, что крылом не вышел. Ведь бывают же исключения?

– Да. И я хотел спросить, насколько это правда?

Он остановился. Ноги полусогнуты, локти прижаты к телу, голова опущена. Но тон его не соответствует позе. В нем чувствуется вызов.

– А почему ты думаешь, что я знаю?

Ну же, произнеси вслух то, что варится в твоей тупой голове, вывали ошметки слухов и сплетен, которые, вы с удовольствием перемальваете, сидя на парапете.

– Я не думаю. Мне показалось, что вы можете знать.

И снова невидимое напряжение. Он безумен? Или болен, как тот, умерший от эманового голода? Может, сначала из-за него мозги сохнут, а уже потом тело?

– Пожалуйста. Я просто хочу понять, чего еще мне ждать от этой жизни.

Элья выдохнула сквозь стиснутые зубы.

– И чем тебе ссылка не по вкусу? Тебе же здесь не нравится.

– Но... внизу люди.

Ну да. Наирцы. Дикари при железе. С любовью к лошадям и войнам.

– Вот и будет возможность проверить, чего там у них с кровью. Не бойся, их не так и сложно убивать.

Икке отшатнулся, как будто получил пощечину.

– Вы не поняли. Я не фейхт...

Верно подмечено.

– ...и хочу не убивать. Я хочу жить.

А утром Элью поднял дежурный, молча указав на выход. Пришли? Наконец-то! Еще немного, и она свихнулась бы в этой яме, где дьен грязны как икке-нут, а икке наглы, как полноценные фейхты. При выходе из казармы мрачноватый тип с расшрамленными крылами, протянул свиток и указал на дверь. Точь-в-точь, как до того дежурный. Они все здесь похожи друг на друга. Безликое отребье.

Снаружи ждали двое. Дружище Раард при полном параде? И броню поверх фракки нацепил для пущей важности. Ну да, сталь красиво на фиолетовом смотрится, другое дело, что здесь любоваться на него некому. И хоть бы улыбнулся, кивнул, что ли, зануда старый.

Второй воин Элье был незнаком. Молод, видно, только-только из училища. Кожа очень темная, в черноту – типично для срединных островов; волосы светлые, белые почти – это уже к родному Ун-Каашу ближе. Крылья говорили о том же: узкая лопасть с мембраной медового цвета к низу заострялась. Костальная жилка отливала чернотой, а кубитальные срослись. Медиана слабая. Кто-то из Бхаар? Или Гааши?

– Идем? – Элья сунула свиток за пояс.

И Раард хмуро кивнул, предупредив:

– Только не дури.

Дурить? О чем это? И где браан? Или сначала формальное покаяние перед членами суда, каждый из которых мечтал о том, на что Элья решилась? Мечты мечтами, но делать все буду строго по правилам. Речи. Нотации. Раскаяние, которое не будет выглядеть искренним, но они примут – не могут не принять. Прощение.

Браан на пояс и фиолетовый цвет фракки вместо унылого серого. И марево портала, которое раскроется перед Эльей. Снова будет аромат прелой хвои, сырой земли и крови. Запах войны, её железно-влажный шум... Не прав был икке: чтобы жить, нужно убивать.

Но в Ун-Кааш о смерти не думалось. Город расходился от территории *приемки* спиралью, что преображалась с каждым витком. Вот невзрачные коробки сменились гранитными глыбинами, в которых каплями слюды поблескивали окна. Мелькнули и исчезли четырехугольные башенки фейхт-училища – скоро желтый двор заполнится новым набором, который обживет старые стены. А вдаль уже показалась тяжелая громада Канцелярии.

– Не туда, – остановил Раард, когда Элья хотела свернуть на боковую улочку.

– Но так быстрее.

Младший – все-таки Бхаар или Гааши? – демонстративно положил руку на кнут, а Раард повторил прежде:

– Не туда.

Спокойно. Он всего лишь исполняет долг. И перед новичком рисует. А уже вечером все вместе – Элья и белоголового пригласит – сядут и посмеются над утренним официозом.

Канцелярия – мраморная многоножка, опирающаяся на сотню приземистых колонн – широко раскинула лестницы-жвалы. Прошли мимо. И только тогда Элья сообразила, куда ее ведут: корона из башен на холме привычно царапала солнце зубцами, шпили терялись в облаках, а стеклянный флюгер-стрекоза почти растворился в небесной сини.

Вошли не с центрального хода. И Раард, выступив вперед – а новичок-то не снимает руки с браана – повел по лабиринту коридоров. В этой части дворца Элье бывать не доводилось. Коридор. Перемычка подвесного моста и ветер, толкнувший под руку. В попытке удержать равновесие распахнулись крылья, и тут же упреждающе щелкнул кнут.

– Ты чего? Раард, скажи ему, чтобы успокоился.

Новичок смотрел поверх Эльиного плеча. Медлил. Вот кнут скользнул к ноге, поднялся, обвив ладонь, и повис на поясе.

– Иди, – хмуро повторил Раард.

Да что с ними такое? По мостику почти бежали. И шлепанье сапог сзади заставляло торопиться. А если этот, сзади, ударит? С перепугу и дури, которой его башка забита. Или на то и расчет? Вдруг это кто-то из Бракааровых дружков и ему лишь повод нужен? Нет, Раард такого бы не взял. Или заставили? Поэтому и мрачен, и спешит. А эта молодая сволочь даже не думает выдержать положенную традициями дистанцию, так и сопит в спину.

Мост вывел к одной из крайних башен. За широкой дверью обнаружилась лестница, уходящая вниз. Стены коридора слабо мерцали живым светом, было холодно и пахло формалином. Впереди звонко цокали каблуки Раарда. По мере спуска запах становился все отчетливее, а ненависть к новичку росла, грозя прорваться ударом или хотя бы пинком.

Да куда же ее ведут?

Широкий пролет и еще одна дверь. Предчувствие опасности накрыло с головой, заставив отступить к центру площадки, так, чтобы эти двое – друзья? враги? – оказались в поле зрения.

– Ну?

– Там все сказано, – Раард ткнул пальцем в свиток, торчащий за поясом Эльи и, смягчившись, попросил. – Не дури. Я не хочу... применять это.

Браан? К ней применять? Да она же своя, пусть временно и вынуждена носить серое. Нет, не в цвете дело. А в чем тогда? Что написано в треклятом свитке, куда Элья не потрудилась заглянуть? И почему молодой смотрит на нее так по-кретински?

Глаза у него светлые, радужка почти неотличима от белка, значит, все-таки Бхаар.

– Давай ты лучше сама, – сказал Раард, указывая на дверь.

– Только скажи этому птенцу, чтобы не лез под крыло.

Это помещение ничем, кроме запаха, не напоминало прозекторскую территории приемки. Выложенный белыми плитами пол, вместо шкафов открытые стеллажи с колбами, ретортами и сложной конструкции перегонным кубом, внутри которого булькало что-то темное и густое. Основное пространство занимали два длинных и широких стола. Над ними, раскинув соцветья линз, возвышался странный агрегат.

Только тела на столе не хватало. Чтобы боком и с ногами, подтянутыми к груди. С разорванной на висках кожей и крошащимися крыльями.

У окна стоял доктор Ваабе в накрахмаленном до ломкости фартуке, который резко контрастировал с почти лиловой, редкого оттенка кожей. В стекле отражались полураскрытые крылья и кресло, на котором придремал Фраахи. Вроде и спит, но рукой крепко вцепился во фракку Бракаара, точно удерживал его от глупостей. Брат Каваарда изображал равнодушие, но ненависть во взгляде было не так-то просто спрятать.

Скэр держался особняком, в сторону вошедших не глянул. Ну да, конечно, гебораан не может позволить открыто проявить слабость. Или не хочет? Рядом с ним, со свитком в руках, замер первый секретарь канцелярии Маах.

Он же и нарушил молчание:

– Мое уважение.

– И вам.

Элья даже сумела изобразить поклон. Ответа не последовало.

– Вы успели ознакомиться с бумагой?

– Нет.

Маах кивнул, словно не ожидал иного, а в белоснежно-чистом пространстве лаборатории на несколько мгновений повисла тишина, нарушаемая лишь бульканьем жидкости в кубе.

Вытянув примятый свиток из-за пояса, Элья попыталась развернуть. Но ставшие вдруг непослушными пальцы долго не могли справиться с печатью. А потом, когда все же удалось разломить сухую бляшку сургуча, оказалось, что читать Элья все равно не может – символы плыли и путались, искажая смысл написанного совсем уж до нелепицы.

– Итак, комиссия в составе... – забубнил секретарь, видя всю тщетность ее попыток. – ... Рассмотрев дело гебран-фейхт Эльи Ван-Хаард и приняв во внимание отягчающие обстоятельства, а также вред, нанесенный народу клан гибелью хаанги Каваарда Урт-Хаас единогласно вынес приговор о прекращении физического существования вышеупомянутой Эльи Ван-Хаард.

Смерть? Ее приговорили к смерти? Вот так просто взяли и... За что?!

– Однако, руководствуясь установкой оптимизационных норм и приняв во внимание положение подсудимой...

Элья едва сумела сдержать вздох облегчения. Всё-таки перераспределение. И серое кольцо территории *приемки* показалось вполне симпатичным местом.

– ...приговору подлежит быть смягченным до второстатейного с особой поправкой.

Второстатейный с особой поправкой? Это как?

– Изгнание, – с удовольствием пояснил Фраахи, поднимаясь. – С отречением рода. И купацией. Полнейшее, так сказать, удаление. Вымолодки... Нет в вас ни ума, ни выдержки, одно хотенье. Пойдем, Бракаар, здесь всё кончено.

– Но... – Уходить тому явно не хотелось, однако старик возражений не терпел и, шлепнув по плечу, повторил, – Пойдем. Меньше находишься рядом с грязью, меньше пачкаешься.

Стоило им выйти за дверь, как доктор Ваабе подал Элье кубок со светло-янтарным, густым с виду напитком.

– Пей, – приказал Скэр.

Пить? Чтобы им резать было удобнее?!

– Настоятельно рекомендую, – поддержал его секретарь. – Некоторые процедуры могут быть неприятны.

Они думают, что так просто заставят? Если браана нет, то... В плечо вонзилась игла и кто-то сильный прижал ее локти к бокам. Не новобранец – Раард, с которым... Игла это не больно. Больно, что ударили те, от кого не ждешь. И когда не ждешь.

Скэр по-прежнему не смотрел в ее сторону.

– Ко всему, следует помнить о последствиях вашего отказ от добровольного сотрудничества, – монотонно говорил Маах. – Положение рода Ван-Хаард в ветви и без того весьма неустойчивое.

Мир заскользил перед глазами разноцветным колесом. Не выходит ухватить. Это потому что Элья наяву, а колесо во сне, и если закрыть глаза, – ведь хочется очень, сами слипаются, – то и колесо мира навсегда останется с нею.

Нельзя. Нужно драться. Объяснить. Сказать. Скэр ведь обещал помочь и... Молчит.

Не засыпать. Не падать. Стоять.

Оттолкнуть чужие руки.

Раздевают. Она не спит! Она сумеет... ударить. Кого? Раарда? Кого-нибудь. Вот спина новобранца... Нужно бить. Бить нужно только в спину.

– Вы двое свободны.

Предатель! Слышишь, Раард? Ты предатель! Мог ведь предупредить! Намекнуть хотя бы. Не уходи. Вытащи. Пожалуйста. Ты же не понимаешь – крылья отрежут! Без крыльев нельзя. Без крыльев смерть. Голод эмановый и язвы. Как у икке. Икке умер и Элья тоже умрет.

Из человеческой крови эман не выварить.

Ушел? А ее укладывают. Возьмется. Почти все равно, но спать нельзя.

– Сама по себе ампутация весьма травматична. Она требует вмешательства в центральный узел, что в большинстве случаев приводит к летальному исходу. А нам бы этого не хотелось. К тому же, удаляя крылья, мы фактически уничтожаем фейхта. Разумеется, я имею ввиду в первую очередь внутренние изменения. По сути, мы лишаем ее части системы, напрямую управляющей рядом важнейших реакций и рефлексов. Думаю, изменения затронут даже мозг.

Руки мягко гладят крылья, ощупывая, скользя по жилкам и от этого прикосновения щекотно даже во сне, и Элья пытается проснуться. Сейчас, еще мгновение и она откроет глаза и скажет, что... что-нибудь скажет.

Нельзя отрезать крылья!

– Я же предлагаю провести линию разреза вот здесь, отделив крыловую пластинку от прочих элементов. Ни о каком процессе синтеза эмана мы тоже не сможем говорить, да и изменения во многом будут аналогичны описанным, но она фейхт и протянет дольше, чем...

...икке. Стол. Огоньки. Запах. Ей очень мешает запах. Или, наоборот, помогает не спать. Подъем. Немедленно. На раз-два-три...

– Боли она не почувствует. Что на мембране, что на жилках иннервация у фейхтов слабая. Посмотрите. – Что-то холодное коснулось поясницы, пробив кожу. И вправду не больно. И лежать удобно, а чужие руки, которые все никак не желали оставлять в покое ее крылья, больше не казались враждебными.

– Лимфа, свернувшись, закупорит сосуды. С большой долей вероятности. Поймите, гебраан Скэр, в девяноста девяти процентах случаев операции ориентированы как раз на сохранение. А здесь, так сказать, вариант противоположный. И поэтому я осмелюсь ходатайствовать о...

– Нет! – Какой жесткий у Скэра голос. Ну да, он же убил Каваарда. И она. Вместе. А отвечать только Элье. Это подлю!

– Несколько дней отсрочки. Сугубо научный интерес. И ко всему опасаясь, что посттравматический шок в отсутствие обезболивающих средств может быть достаточно силен, чтобы привести...

– Это не имеет значения. – Неужели Фраахи вернулся? Так тихо, что она даже... – Приступайте, доктор. А ты, Скэр, намного перспективнее, чем я думал. И тверже. Дайте им то, чего они хотят, но не так, как они этого хотят... Эскорт ждет и готов выдвинуться в любую минуту.

А больно и вправду не было. Неприятно чуть-чуть, особенно сначала, когда скальпель в первый раз вспорол тонкую мембрану крыла – все-таки когда крыло в бою горит, оно иначе. Но ничего, терпимо. Вот лезвия секатора, обхватив жилку, застыли на долю мгновения, и сомкнулись. Хрустнуло, словно кость сломалась. И снова прикосновение скальпеля... секатора... скальпеля... секатора.

Когда доктор Ваабе приступил ко второму крылу, Элья окончательно уснула.

Бельт

Могут ли две частицы дрожжей обидеть одна другую при взаимном пожирании? А две частицы одного мира? Не могут, потому что жизнь – одно сплошное взаимное пожирание.

Мудрость Волка.

*– Я больше не хочу резать, – сказал нож. И отправился в горы.
Кузнецы балобонки.*

Он сам влез в западню. Да еще и своих людей затащил. А ведь следовало догадаться раньше, когда только въезжали в деревню. Но шли-то на кураже, с победой. Куда там присматриваться к хмурым ромам вахтажников, эту дыру занявших? Чай, не серошкурые, одно дело делаем, даром, что флаги незнакомые. Ну на то и есть вечные жернова, чтобы смалывать разные зерна в одну муку, из которой – добавь кровушки, вымеси хорошенько! – и выйдет кривобокий каравай войны. Жри до отвала, не подавись.

Тогда большой удачей показалось своих встретить, особенно, после такой передраги. Шутка ли – неполной десяткой легких конников ударить по скланьему каравану? Да так ударить, что сволота эта по лесам рассеялась. А кабы под ногами не путались беженцы с погорельцами из местных, все вообще прошло бы без сучка, без задоринки. А так – всего полдюжины человек осталось, и среди них ни одного целехонького: кто очередной дыркой в тегиле разжился, кто ухо потерял, у кого руку-ногу скланьим кнутом приласкало. Хуже всех – сам Бельт: на полморды рваная рана, гноит уже и голова чуть не пополам разламывается. Оттого ведь и перли напрямик, к своим...

Ребят понять можно, думали, что кончится хозяин командирской плети-камчи со дня на день, но не бросали, хотя давно известно: удар кнутом – не лекарское дело. Тут и многоумные камы не всегда помогут, да и не станут они с обыкновенным камчаром возиться.

Когда нынешним утром отряд вышел на заброшенную деревню и увидел над частоколом гербовый шест, всем было уже плевать, в каких цветах да при сколько шнурах там конские хвосты мотыляются. Въехали радостно и, чего уж греха таить, вздохнули с облегчением. Видно, рано.

Бельт стоял посреди избы перед уважаемым Апсой-нойоном. В хорошо протопленной комнате дрожь только усилилась, и камчара, которому не позволили даже скинуть плащ, отчаянно качало. Если бы не старина Кёрст, придерживающий сзади, того и гляди, рухнул бы на земляной пол прямо под ноги Апсою да на посмешище еще троим рубакам.

Рассказывать о событиях последних дней получалось с трудом, язык еле ворочался и постоянно норовил стукнуть в натянутый барабан боли, которым стала вся левая щека. В такие мгновения гул отдавался сперва в голову, а потом возвращался и стекал по свежему рубцу со скулы на шею и вниз до самых кишок. Приходилось останавливаться и переждать, а нойона это злило. Впрочем, тот с самого начала не скрывал раздражения, теребил плетень, перетянутую серебряными кольцами. Большой власти знак, куда там Бельту с обыкновенною его десятницей камчой.

– Значится, разогнали отряд склан? – поинтересовался Апсой, сморкаясь в кулак. Выпученные глаза его стали еще больше, точно грозя лопнуть от подобной натуги. Но ничего подобного не произошло, нойон вытер ладонь о грязный стол и уточнил: – Вдесятером?

– Девять... – Барабан снова зазвучал, но тихо. – Нимшу потеряли раньше.

– Прикончили хотя бы одного серошкурого?

– Двоих. Или троих.

– Хреново.

Вот тут Апсой-нойон перегнул. При таких раскладах на большее рассчитывать – хамство и плевок в благорасположение Всевидящего. Или это очередной тревожный знак в копилку к кривым взглядам и дурному предчувствию?

– Значится так, камчар. – Апсой встал. Качнулись толстые косы, звякнули чеканные пластинки-обереги, а камча нойонская нырнула под золотую чешую пояса. – Пять дней назад с уважаемым крылатым народом Летающих Островов заключено перемирие от лица нашего ясноокого кагана Тай-Ы. А ты, значится, это перемирие нарушил.

Кёрст за правым плечом засопел.

– Уважаемый, мы третью неделю по лесам валандаемся, а новости у нас только про свежие медвежьи кучи и беличьи потрапушки. – Бельту захотелось прорычать это, но барабан не позволил. Барабан и многолетняя привычка.

– Значится, надо было слушать, что свистят белки между трахом. Командуй людям скидывать оружие и сам снимай. А будете дурить – мне таких как вы на ходу кончать дозволено. Лишь бы головы привез, а на то у меня целая телега бочек и соли до...

Снаружи грохнуло, и Апсой, опрокинув табурет, отлетел к стене. Толчок в спину повалил Бельта ничком, и сразу вокруг замелькали ноги. Слишком много отличных сапог на одну пару Кёрста, истоптанную и подвязанную ремешками.

Земляной пол перед самым носом брызнул комьями из-под лезвия меча. Еще один клинок, походя, ткнулся в бок, но лишь скользнул по тегилью, прищипливая плащ к полу. Да там и остался: хозяина снесло тяжелым обухом. Кёрст скакал где-то высоко-высоко, молотя сапогами куда страшнее, чем излюбленным топором и не подпускал никого к командиру. Но Бельт понял, что сдохнет здесь и сейчас не от очередного удара, а от боли, выворачивающей левую щеку мясом наружу. Эта мысль бесила. И совала в ладонь рукоять кинжала.

Кто-то взвыл, получив под колено словно серпом, и с рычанием повалился на Бельта. Откатиться не вышло – мешал прибитый к полу плащ, зато получилось вогнать кинжал точно в подмышку. К губам, будто для поцелуя, прижалась колючая щека. Бельт вцепился в нее зубами, чувствуя, как собственная боль уходит прочь. Он почти любил врага, подарившего короткое исцеление, пускай и смешанное со вкусом крови. Уж к этому-то не привыкать.

Неудачливый «лекарь» затих, а вместе с ним в комнате смолкли звон и хруст. Остались только короткие всхлипы и тяжелые шаги.

– Жив, камчар? – Кёрст толкнул тело на пол и рывком поставил Бельта на ноги. Лучше бы убил.

Снаружи доносились звуки рубки, обрывки приказов и лай собак. А еще – особый свист. Так умел свистеть только Войц-Молчун. Делал он это лишь дважды и оба раза – когда ходил в конные атаки, из которых назад ждут одного из сотни. Сейчас был третий.

Апсой лежал на спине, пяля в потолок глаза. Точно посреди груди, выворотив золоченые пластины бехтерца, зияла дыра. Хороший выстрел. Это красавец Зура расстарался, только он жаловал пороховые ручницы. И берег единственный заряд для особого случая. Вот и представился...

Кёрст осторожно выглянул в окно и тут же отпрянул. Почти сразу входная дверь пошла ходуном от ударов.

– Вдвоем мы остались, камчар, – тихо сказал Кёрст.

Пытаясь снова задавить боль в голове, Бельт наступил на чью-то кровоточащую ладонь. Некрупная мальчишеская, мизинец на тонкой нити кожи. Но слишком близко от рукояти меча. Бельт закрыл глаза. Стало хуже, будто молодой вахтангар таки вскочил и полоснул по щеке, кроша зубы и вспарывая язык. А потом схватил за руку и потянул куда-то...

Нет, это не чужой воин, это Кёрст, свой, проверенный десятками стычек, тащил к темному провалу в глубине избы. И Бельт бежал следом, стряхивая боль, как пес воду, разбрыз-

гивая ее по пустым темным комнатам. Они вывалились из двери в слепящий свет только для того, чтобы рвануть назад, уходя из-под копыт пары лошадей при двух ездоках.

– Маф, стой!!! – заорал Кёрст и один из всадников осадил коня.

Второй попытался сделать то же самое, но так неловко, что слетел на землю, и, запутавшись в стремени, пропахал спиной половину двора. Тем временем Маф уже затягивал Бельта в седло, а Кёрст, разбежавшись, вспрыгнул сперва на стенку колодца, а с нее на коня, сдерживаемого словно якорем... Зуру Бельт узнал только по мышастой куртке: у того нынче не было лица, лишь месиво из мяса, костей и кусков искореженного железа. Нет больше красавца, по которому сохли бабы в Ольфийских деревнях. Нет больше ловкача, с которым не страшно даже двое на двое против серошкурых.

Кёрст с рычанием хватанул по стремени ножом, потом снова и снова. Толстый ремень отказывался отпускать ногу мертвого хозяина.

Совсем рядом просвистела стрела.

– Ассс! – выдохнул Маф и хватанул плетью по крупу.

Лошадь пошла тяжело и неуклюже. Бельт со всей силой впился в гриву и сдавил коленями тощие бока. На рысях удалось втиснуться между забором и полуразваленным сараем, хлипким строением отгородившись от стрелков. Сзади напирал Кёрст, матерящийся, злой. Живой.

Хуже всего было бы попасть сейчас в лабиринт плетней и изб: там точно ловушка и смерть. Тем обидней, когда за забором виднеется поле и край леса. Маф вдруг двинул ногой по серым доскам, натянул поводья и принялся сминать преграду конской грудью. Дерево, порченное водой и короедами, сопротивлялось недолго. Копыта отбили короткую дробь – вот она, настоящая песня свободы – и лошади вылетели в поле. Кёрст сразу же унесся вперед, забирая к лесу.

То и дело воздух пачкали стремительные росчерки.

Хорошо было бы оглянуться, но, во-первых, мешал Маф, а во-вторых Бельт и без того знал, что творится у поваленного забора: растекаются в линию вахтангары, вздергивают луки и садят стрелы, сперва по всадникам, потом в небо, выше и выше.

Есть что-то в этом от байги – лихой заезд наперегонки со смертью. Как знать, не отсюда ли родом благородные скачки? Даст Всевидящий, и сегодня будет победа, а с ней и главная награда...

Маф дернулся и выпустил поводья. Бельт только и успел, что сгрести их одной рукой, натягивая, а второй кое-как прихватить товарища за пояс. Все равно не удержал, чуть сам не рухнул следом. Конь завертелся на месте, разбрасывая пену.

Стрела не дала Мафу спокойно улечься. Он так и замер, неестественно выгнувшись, обвиснув на проклятом крепком древке. Бельт вытянул меч и свесился, уверенный, что ляжет сейчас рядом. Очередная стрела ударила по лезвию, отбрасывая руку и передавая всему телу дрожь. Так дрожит тетива и ее хозяин в желании убить. Так дрожит стол, по которому катает черные кости Всевидящий.

Одним ударом Бельт перерубил древко. То ли хруст, то ли деревянный стакан снова бьет по столу. Но Маф больше не напоминал сломанную куклу. Теперь он просто отдыхал, как часто у них случалось – пожухлая трава подстилкой, ком земли подушкой, а под рукой – бесполезный меч.

Кёрст уже скрылся среди далеких деревьев. Куда там нагнать – просто до кромки дотянуть бы. Но лошадь пошла неожиданно резво, и совсем скоро лес принял Бельта.

Разумеется, Кёрст его ждал. Разумеется, Бельт в этом не сомневался.

– На Аркун уходить надо. – Старый воин прекрасно понимал командира без слов.

Бельт лишь слабо кивнул и попытался сквозь ветви разглядеть Око. Тусклый кругляш нашелся за правым плечом, накрепко приклеенный к серо-синему предзимнему небу. Облака

то и дело протирали его рваными краями, то ли в попытке заслонить земное непотребство, то ли просто впитывая божественные слезы. Ох, отольются они кому-то...

Сразу взять нужное направление не вышло: сухой сосняк вскорости сменился молодым ольсом. Сизые стволы росли плотно, цеплялись друг за дружку, растопыривая ветви, хрустели сухой костью. Пришлось давать крюка. Оно и не удивительно: Красный тракт лежал далеко, а значит и нормальных дорог до самого Аркуна не будет. А меньше дорог – меньше разъездов. Кёрст же не раз доказал свое отменное знакомство со здешними тропами. Иначе и соваться в выбранном направлении не имело бы смысла, проще уж сразу повернуть на Ольфию да первому же патрулю сдать.

Их, небось, полно, если уж сюда умудрились вахтагу заслать...

Боль в щеке горячим ножом отрезала все мысли.

– Ничего, камчар, – бормотал Кёрст. – Там отсидимся, а потом... Э, командир, совсем плохо, да? Выглядишь чуть лучше, чем Зура.

Зура-Зура... Сквозь гулкую пелену проступило лицо со стальными цветами, распустившимися на окровавленной плоти. Сгубила красавца его самая любимая баба – пороховая ручница. Плохое оружие. Дурное. Нет у него будущего.

Впрочем, пока будущее толком не виделось и у самого Бельта. Зато чуть ли не каждую минуту за спиной чудился собачий лай и шум погони. Оглядываться было трудно и больно, потому довольно скоро пришлось примириться с чувством, что тянешь на плечах котомку всякой дряни вроде бешеных крыс или змей. Чуть позже исчез Кёрст. Зато появился Маф. Он сидел сзади, молчал и непонятно как держался на лошади. Бельт не задавал глупых вопросов, просто радовался, что Маф рядом. На прозрачной поляне нашелся Кёрст. Он даже не кивнул Мафу, видно, все еще злился за недавний проигрыш в кости.

И снова были тропы и вроде даже какая-то разваленная изба, на пороге которой стоял, обнимая тонкую сталеволоосую девку, красавец Зура. Та водила из стороны в сторону черными дугами глаз, улыбаясь все больше Кёрсту и лишь самую малость Бельту.

Оттуда почему-то взяли в галоп, и пришлось терпеть хлесткие удары ветвей по лицу. И пощечины Кёрста. Зачем они? Или это все же ветки? Ветки. Кёрста снова нет. Никого нет, даже Мафа. Конь есть. Бредет и тянет за собой по земле, как недавно тянул Зуру: нога в стремях, спина в борозде. Почему не хочет взять седло? Устал? Бросит? Бросит. Уже бросил. Дернулся, напуганный, нырнул в туман.

Следом за ним в пелене потонул сам Бельт.

Смерть пахла гнилыми листьями. Не показываясь на глаза, она облизывала Бельта холодным языком, особенно часто прикладываясь к плечам. Вот-вот переползет на шею, а с ней на... Щеку дёрнуло как от удара хлыста.

Это ли прикосновение обожгло, отогнало смерть? Но она действительно отползла, оставив лишь запах прели и липкие оковы слюны на руках и ногах. А еще – темноту.

Бельт моргнул – не веки, наждак – но темнота не исчезла. Только жилами-жгутами проступили на ней ветки.

Значит, лес, а не кузны *железных демонов*. Лежать мокро и неудобно. Промороженное тело как колода, ни сдвинуться, ни пошевелиться. Может, деревом привалило? Или хребет сломал, когда с коня свалился?

Бельт попытался повернуть голову. Тотчас боль отдалась в шею, а рот наполнился кислым гноем.

Ничего, терпимо. Сейчас главное – встать, иначе заколеет до смерти. И Бельт снова дернулся, переворачиваясь на бок. Получилось. И руку свою почуял, левую, как стрельнуло в локоть и садануло запястье, словно с него шкуру содрали. А ноги по-прежнему мертвые.

И тут, обрывая мысли, ветер швырнул в лицо горсть ледяной воды и с нею новый запах. Тонкий аромат дыма заставил насторожиться, а рыжий отблеск костра шагах в десяти – прижаться к листве.

Тихо. Только скрипят деревья, да журчит вода. Ни конского ржания, ни людских голосов, и железо не звенит. Не разъезд. Тогда кто? Кёрст? Скланы?

Кёрст бы прятаться не стал. И не оставил бы так валяться, считай – подышать.

Здесь холод. Там огонь и тепло. И везде смерть. Никуда она не пряталась, не по ней это. Словно ответом одна из теней у огня вдруг шелохнулась. Мелкая, как демон Джу. Поднявшись, она двинулась к Бельту, и листья зашуршали под ногами.

У демона оказалось грязное детское лицо, спутанные патлы и неуверенная походка. А большего и не разглядеть в ночной темени. Он остановился в трех шагах, неловко вытянул из-за пояса нож, каким обычно разделявают скотину, и спрятал его за спину.

– Т-ты... – Бельт еле разлепил занемевшие губы. – Ты кто?

Худющий мальчишка лет десяти, а вовсе не демон Джу. Он долго молчал, уставившись на Бельта, и время от времени прикрывал рот ладонью. И лишь через несколько минут произнес:

– Я – Звяр.

После чего обошел вокруг Бельта и, ухватив за воротник, уложил обратно на спину. Быстро ощупал, куда ловчее, чем управлялся с ножом.

– К огню, – прохрипел камчар. – Меня к огню надо. Или я замерзну.

Звяр, ничего не ответив, побрел обратно к костру. Перечеркнутое поясом лезвие отражало свет ночного Ока.

А Бельт вдруг понял, почему не может двигаться: он был связан.

К утру небо поседело. Пошел мелкий холодный дождь. Он вымочил до нитки, но зато позволил кое-как напиться, не столько мелкими каплями, сколько мутной водой из лужи, собравшейся на дне ложбины.

Мелкий сукин сын снова подошел лишь после рассвета. Сел на поваленный ствол, упер локти в колени, а подбородок уложил на ладони.

– За меня ничего не дадут, – сказал Бельт, глядя в темные в пол-лица глаза. – Разве что клинком в бок.

Шмыгнув носом, мальчишка прижал голову к левому плечу. Но не вымолвил ни слова.

– А я тебе денег дам.

Звяр вытащил из-за пазухи Бельтов кошель, тряхнул так, чтоб зазвенела медь, и спрятал.

– Я еще дам. Я знаю, где взять. Тут неподалеку схрон есть. Серебро и...

– Монету не схарчишь. – Голос мальчишки оказался неожиданно грубым. Словно говорил не он, а парень лет двадцати. – Да и врешь ты всё, дядечка.

– Развяжи меня! – Рык прорвал щеку, и рот вновь наполнился гноем и кровью.

А мальчишка все глядел и глядел, расковыривая на ладони сухую язву. Оторвал корку, сунул в рот и спокойно сказал:

– Не отпуска. Я хочу есть. Очень хочу.

Края ложбины смыкались, как жирные земляные губы. И гнилыми клыками торчали навстречу друг другу стволы. Мокрая листва, ободранная ветром, заткнула рот и почти засыпала узкую горловину ручья.

Хорошо. Если бы не подстилка, Бельт давно бы помер: ночи стояли холодные, но в куче гнильях сохранялись капли дневного тепла. Зарываться же одним телом он научился быстро.

Журчала вода, скреблась о камни, изредка вспухая желтыми пузырями газа, как будто земле становилось тошно.

До воды далеко. Но есть листья. Они тоже мокрые, хранят влагу от недавнего дождя.

Звяр не мешал. Он приходил, садился неподалеку и наблюдал за Бельтом. Ждал. Лучше бы добил, сученыш. Но нет, посидев, Звяр убирался к костерку, продолжая следить уже оттуда. Он был очень терпеливым. И метким.

На второй день на Бельта села ворона. Тошная и мелкая, она долго не решалась спуститься, перебираясь с одной ветки на другую, с каждой все ниже и ниже. Потом все-таки осмелилась и, свалившись прямо на грудь, вцепилась острыми коготками в разбухшую кожу тегиляя.

– Пшла! Кыш!

Бельт дернулся, но ворона лишь хлопнула крыльями. Она разглядывала Бельта, поворачивая голову то направо, то налево. И он разглядывал ворону, особенно крепкий седоватый клюв.

Будет бить в глаз. Они всегда перво-наперво их выжирают.

Ворона приоткрыла клюв, высовывая черную нитку языка. И разлетелась облаком сизого пуха. С пращей мальчишка обращаться умел. Птица сдохла не сразу, копошилась где-то рядом, била крыльями и хрипела, пока Звяр не свернул ей шею подрагивающими руками.

Вот так и ему бы открутить башку. Или раздавить хлипкое кадыкастое горло. Такому мозгляку хватит одного удара.

Вечером от костра тянуло палеными перьями и жареным мясом. А Бельт, зарывшись в кучу гнилья, снова и снова раздирал занемевшими пальцами комковатую глину в поисках камня. Не находил, только сдирал ногти, сам того не чувствуя.

Добраться бы до ручья. Или совсем скоро камчар окончит дни как мясной телок, перекочевав по частям сперва на костер, а потом в рот, вечно прикрываемый грязной ладонью. Лишь бы паршивец уснул.

Но вместо этого мальчишка, закопав остатки вороны в яму, подошел к Бельту, сел рядышком и снова вылупился. Может, отпустит? Поел ведь. Хоть как-то, да поел.

– А ты воевал, дядечка?

– Да.

– С крыланами?

– Да.

– И это они тебя?

– Отпусти, расскажу.

Звяр вытащил из-за пазухи камень, приладил к широкому ремню пращи, крутанул, примеряясь.

А если сейчас? Если ему надоело ждать? Это ж просто совсем, что ворону, что человека...

– Ты ж поел, – сказал Бельт. – Отпусти меня. Не трону, Всевидящим клянусь! А хочешь, выведу? Я тропы знаю. Чего тебе в лесу делать? Зима скоро. Замерзнешь.

Пялился-пялился, дышал шумно. Пращу вертеть перестал, и казалось, что всерьез раздумывает. Но вот тонкие, точно углем нарисованные брови сошлись над переносицей, и Звяр произнес:

– Ворона маленькая. С нее брюхо крутит. Зайца бы. У меня был заяц, но кончился.

Звяр согнулся пополам и сплюнул чем-то вязким.

Может и выгорит. Только бы время потянуть еще чуток.

– Я мамку слышу, – прошептал мальчишка ни с того, ни с сего. – Она померла, а я всё одно слышу. Мамка не велит спать. Говорит, ежели засну, то помру. А мне идти надобно... Только поесть сначала. Хорошо поесть.

Его вытошнило минут через пятнадцать. Как только Бельт услышал затяжной кашель, то переломанной змеей пополз к краю ложбины. Не успел: подскочивший сбоку Звяр, сопя от натуги, столкнул обратно на дно. Снова скрючился, заплевывая листву и Бельта.

– Не всех в этом мире можно жрать! – заорал Бельт, пытаясь зацепиться за корень. Корень, хрустнув, отломился, а Звяр, вытерев губы, ответил:

– Всех, дядечка. Всех.

И Бельт знал, что во многом мальчишка прав.

К вечеру приморозило. Узкая туча разродилось крупчатым снегом, который солью рассыпался по земле. Бельт лежал, глядя в мутное ночное Око, и думал о том, что Мафу и Зуре в чем-то даже повезло.

– Почему ты еще живой? – спросил Звяр, разгребая кучку листьев. Вытащил трухлявую деревяшку и, расколов, принялся выбирать сонных личинок. – Подыхай давай.

– Отпусти.

Звяр только мотнул лохматой головой и сказал уже привычное:

– Я есть хочу.

– Тогда чего ждешь? Убей. Или духу не хватает?

– Зачем убивать? Ты сам помрешь. Скоро.

– А ты?

– А я уйду. Далеко.

Дальше неба и седого тумана, что застилает глаза. Вот-вот накроет, унимая боль, убирая холод и ломоту в костях. Чего дергаться? Мальчишка делает, что может. И кому как не Бельту его понять? Только помирать все равно паршиво, даже с пониманием.

– Я в *Белый город* уйду, дядечка. Там хорошо. Там всем хорошо, и много еды.

Туман свивался башнями, отчего-то кривыми и похожими не то на *Понорки*, не то на длинные стволы кхарнских пушек, что целились в Око, грозя земным небесному.

– И когда все будут сыты, то никто не станет воевать.

– Станет.

– Нет!

– Да, – Бельт с трудом повернул голову и, ухватив губами жесткий лист, принялся жевать.

Лист резал десны и царапал уже не единожды пробитую шкуру шрама, наполняя рот смесью грязи и гнили. На зубах заскрипела земля, а к горлу подкатил ком сухой тошноты. Выплюнуть жевок не вышло, так и прилип к подбородку. А Звяр достал нож.

Волглый сумрак вздрогнул от тугого стога рога. Сиплый звук сбил с лещины последний лист, спугнул стаю синиц и стих, растворившись в тумане. Звяр замер. Заткнулась сойка, рыжей тенью взлетела на сосну белка. Исчезла. Стало настолько тихо, что Бельт услышал дыхание мальчишка: мелкое, частое, как у кобеля на случке. Забухало, отдаваясь в стылую землю, сердце. И земля ответила приглушенным топотом.

Звяр сорвался с места и принялся торопливо закидывать Бельта листвой, приговаривая:

– Лежи, дядечка. Тихо лежи!

Издали донеслось конское ржание. Если заорать...

Звяр на четвереньках подполз к костру, опрокинул на него загодя приготовленную кучу мокрых листьев и, выхватив из-под корней какой-то сверток, скатился обратно в ложбину.

– Лежи, дядечка, лежи. Найдут – плохо будет!

Сверток оказался старым чепраком. Истершийся, в корке глиняной коросты и листьев, он был неотличим от земли. Накинув полог на Бельта, Звяр нырнул следом, приник и ладонью зажал камчару рот.

Кто бы они ни были, но шли близко. Звенела упряжь, скрипели ремни, смешивались голоса.

Совсем рядом захрустели ветки, и Звяр дернулся, мазнув скрюченными пальцами по ране. Бельт впился бесчувственными пальцами в землю.

Только бы собак не было, только бы не было собак.

Мальчишка лежал, прижавшись лицом к груди, и дышал через раз. Они теперь в одной упряжке – преступник, почти что дезертир, и его малолетний пособник. В лучшем случае зарубят на месте.

Остановились.

Трое? Пятеро? Если толковый разезд – не меньше. Впрочем, Бельту и одного нынче хватит.

Над головой зашумели листья, кто-то тяжелый заскользило по дальнему склону. Ругнулся. Прошел краем. Совсем рядом.

– Живее давай! – крикнул кто-то, не особо довольный.

– Сейчас!

Тяжелый не торопился. Чавкали сапоги, продавливая глинистый берег. Плескалась вода. Скрежетали ножны, цепляясь за камчу.

А в груди булькало, переливалось, давило кашлем. И мальчишка сверху. Тяжелый, хоть на вид и скелет скелетом.

– Хватит плёскаться! – донеслось, перекрывая прочие звуки. – Потом отскребешь! Кроваки он не любит. Кто ее любит-то?

Бельтово плечо вдруг хрустнуло под нажимом, пошло вбок, и вывернутая рука натянула веревочные путы. Растянула. Всего чуток. А боль – к ней он привык.

Только бы тяжелый не принял в сторону, поднимаясь от ручья.

Не принял. Возвращался след в след. Вот заржали лошади, загомонили люди. А после стало тихо.

Уткнувшись лицом в Бельтову грудь, сопел Звяр. Его дыхание, пробиваясь сквозь одежду и грязь, хоть как-то да согревало. Сейчас бы протянуть руку, схватить за глотку...

– Слазь, – сказал Бельт.

Звяр сполз. Стянул чепрак, скрутил комом и завертел башкой, озираясь. Черной взрытой полосой пролегла дорожка от верха канавы к ручью. Вода лизала глубокие рытвины от каблуков и затирала следы. Валялась у самого берега бурая тряпица.

– Будешь ждать моей смерти? – спросил Бельт.

– Буду.

Мальчишка повернулся и побрел к засыпанному кострищу. Разгребать не стал, просто сел, укутавшись в чепрак, как в плащ и уставился на воду. А треклятая веревка особенно неприятно сдавила руки.

Ночь выдалась мутной. Ветер гойсал по лесу, ломал вершины елей, щедро швыряя вниз пригоршни мокрой иглицы. Ухала неясить.

Звяров костерок трижды гас, и после третьего разу мальчишка не стал зажигать его наново. Он лежал, черным комом выделяясь на гладком берегу, и не шевелился.

Сам сдох? Хорошо бы.

Бельт пополз к ручью. Камни. Всего-то и надо, что пару раз дерануть об них веревку, после хорошенько рвануть, не жалея рук. Глядишь, и выйдет. Ну не лежать же бараном к ужину.

Низкий берег принял в скользкие ладони, лизнул знакомым холодом и сам подтолкнул к узкой ленте ручья. Штаны набрякли водой, а вскоре и весь Бельт вымок до нитки, но нащупал нужное. Прилачился к острой грани, резанул, наваливаясь телом.

Голова ушла под воду, в ямину, каковой тут быть не могло, но однако же была. Холодом хлестануло в нос и рот, продираясь сквозь выгнившую кожу. Течение вытолкнуло, позволяя глотнуть воздуха.

Еще раз. Хрустнуло. Что? Руки? Камни? Какая, хрен, разница. Главное, что тело стынет. Больно. Но надо снова... С какого получилось – Бельт не знал. Он и не сразу понял, что руки

свободны, и держат их вместе только привычно сведенные плечи. Шевельнулся. Едва не заорал от новой боли. Попытался локти поднять – куда там, бездвижные почти.

А спешить надо. Мальчишка ведь чуткий, того и гляди – проснется.

Ветер крепчал, грозя стегнуть хлыстом по набухшему брюху тучи и вывалить колючую труху снега. Не мелкого соляного, а плотного и вязкого, аккурат для огромных сугробов и мерзлых людей.

Бельт выполз на берег и лег, уткнувшись лицом в привычную и мягкую подстилку. Так лежал, сжимая и разжимая кулаки, шевеля запястьями, разгоняя кровь по закаменевшим мышцам, пока не почувствовал, что снова хозяин своим рукам.

После, вытащив из ручья камень, разодрал и ножные путы. Вышло легко, куда легче, чем подняться.

Мальчишка спал. Он не проснулся даже от пинка, и только когда Бельт, ухватив за шиворот, встряхнул его, открыл глаза. Но не произнес ни слова. Даже не пискнул.

– Зря ты меня не послушался, дурак.

Левой рукой Бельт вытащил из-за пояса Звяра камчу и нож.

Всего-то один удар. Это будет даже милосердно. Все равно в лесу сдохнет. Или найдет себе кого другого, такого же беспомощного, как Бельт. А то и мертвого. С мертвяками-то оно проще, главное глаза закрыть и на голову чего накинуть... Уж Бельт-то знает.

– Убьешь меня ножиком, дядечка?

Спокойный, гад.

Можно и без крови. Придушить ремешком или шею дернуть. Она ж тонюсенькая, как ветка. Хрустнет, душу выпустит, не дав измараться.

– Мне тоже идти теперь далеко, – сказал Бельт. – Еды нужно много.

– Ты ж говорил, что не всех можно есть.

– А ты уже пробовал человечину, сопляк?

– Нет, дядечка. Говорю же – у меня заяц был. Давно, правда.

Бельт разжал пальцы. Мальчишка вывернулся и, отбежав к ручью, остановился. Присел. Взял в руку гладкий камень. А ведь с него станется по следу пойти и, выждав момента, запустить этим самым камнем да в Бельтову голову. Хрустнет косточка, выплеснет красное и серое, добавив миру цветов, которых и так в достатке.

И небесное Око привычно отвернется.

Еще не поздно все исправить, ударить наперед, предваряя чужой удар. И все пойдет по привычному кругу.

– Нельзя жрать людей, парень. Иначе когда-нибудь, когда ты станешь бортником, ткачом, а может быть даже камчаром, Всевидящий тебе это припомнит. Тебя сожрут свои же. И не подавятся.

Бельт посмотрел на камчу, после чего широко размахнулся и забросил ее в кусты. Повернувшись к Звяру спиной, он заковылял вверх по течению.

Дневал бывший камчар в овраге, привычно зарывшись в кучу листвы. А когда стемнело, продолжил путь. Ложбина становилась ниже и шире, пока не вывела к желто-бурой глади болота. Черными столпами протянулись по границе пожженные березы, зеленел, противясь скорой зиме, вереск. То тут, то там торчали корявые лапы сосенок.

Конь брел по самому краю. Запутавшись в поводьях, он мелко перебирал передними ногами, и неуклюже переставлял задние. И пригнувши морду к земле, жадно выбирал из белого мха длинные плети клюквы.

Тускло отсвечивала сбруя, и знакомый узор проступал на седле сквозь потеки крови.

– Чуба, – позвал Бельт и, свистнул по-особому, хоть щеку и полоснуло огнем.

Надо бы мха набрать. Болотный мох гниль вытягивает. И клюква для кишок полезная.

А конь, вскинув голову, жалобно заржал и заковылял к Бельту.

Узнал, холера! Узнал. Ткнулся мягкими губами в ладонь, потерся, громко переваливая во рту грызло, и язык высунул, жалуясь.

– Сейчас я тебя распутаю... Сейчас расседлаю... Отдохнем. А хозяин твой где?

Конь потряс головой и попытался ухватить за ухо. Вкусного клячил.

А крови натекло изрядно. Хватило, чтобы и чепрак промочить, и потник пропитать насквозь. Видать, не сразу Кёрста ссадили.

Зато в седельных сумках нашлось полкраюхи хлеба, кусок сыра и баклага с настойкой на можжевельных ягодах.

Жизнь налаживалась.

Подумав немного, Бельт насадил сыр на ветку, как раз так, чтобы удобно было дотянуться мальчишке лет десяти.

Звяр брел по лесу, выискивая следы. Трогал поломанные веточки. Разглядывал давленный мох. Один раз остановился, соскребая с коры грибную накипь. От давешней вороны остался свернутый узлом живот и одна лапа, да и та безвкусная, на деревяшку похожая.

У муравейника Звяр задержался надолго: раскапывал, раздирая иглицу руками, а после давил сонных муравьев.

Мало. Зима скоро и морозит уже.

Не выжить.

Звяр шел, думая о том, что сумеет он поесть – хоть разочек, но чтобы досыта – сил бы прибавилось. И хватило бы, верно, на то, чтоб до города добраться. А там уже все будет по-другому.

Сначала он нашел в кустах топор, добротный, тяжелый и весь окровавленный. И тащил его через поляну, туда, где на старой сосне висел труп. Острый кол ветки пробил и рубаху, и кожу, и кости с мясом, вышел из живота. Крови почти не было, головы тоже. На белом огрызке шеи виднелись неаккуратные зарубины, да торчала из среза косточка. Мелкое зверье еще не успело толком пообгрызть пальцы, птицы не расклевали срез, не вытянули черные жилы.

Звяр подошел ближе. Тронул шею, понюхал пальцы. Гнильем не воняло, значит, свежий мертвяк. Большой. И сидит крепко. Звяру пришлось расколупывать рану в брюхе, а после, упираясь ногами в горбы корней, тащить упрямое тело. Сперва оно не поддавалось, но вдруг, хрустнув, сразу пошло, повалилось кулем на землю, выставило спину, изукрашенную яминами. Сунув в одну палец, Звяр нащупал жесткое оголовье стрелы.

В Белом городе не станут стрелять в спину. Там никогда ни в кого не будут стрелять.

До Белого города еще идти и идти...

Надо только поесть досыта. Хотя бы разок.

Вот оно, едево, лежит у ног.

Звяр со всей злостью размахнулся топором и вогнал лезвие в землю. Потянул, вывернул ком земли, снова обрушил орудие, углубляя могилу еще на пядь. Он копал и плакал. Выдыхал тоску, выдавливал ее из глаз вперемешку с соленой водицей и желанием жрать.

С очередным ударом топор почему-то не увяз в земле, а ухнул в глубину, увлекая мальчишку следом. Пальцы, выпустив рукоять, ухватились за что-то горячее и мягкое, липкое от крови. Вытащили кое-как. Сжали, выдавливая остатки жизни из полосатой тушки бурундука. Рыдая, Звяр обеими руками разгребал нору, вытаскивал полные горсти орехов и сухих ягод. Рядом, широко раскинув руки, лежал безголовый труп.

По небу цугом ползли облака, чистые, как стены далекого сказочного города.

Туран

...и велибрюд, тако же верблютом именуемый – как две башни на четырех ногах, тяжел и весел, давит своим копытом врага и смеется, и плюет от хохота, и не плюет только в хозяина башен; и уранк, коий телом – овен, главой – селезень, а родится из камня, лизанного горными козлищами; и вермиц – о шести руках, аки гигантская блошица, с твердым боком и спиной, поющий в полночь и полдень гимны наизнанку, а из еды токмо молодых щенов уважающий; и страшный сцерж-ящер – ползуч, когтист да клькаст, истинно гад, конем осмылапым вниз и вверх по горе скачет да на бегу врага гложет...

«Правдивое описание тварей всех пределов», сборник списков Уркандской библиотеки.

*Был простец – стал купец,
Был купец – стал глупец,
Был глупец – стал ловец,
Был ловец – стал...*

Кхарнская считалочка.

Издалека стены Шуммара казались ослепительно белыми, точно и вправду вырезанными из мамутовых бивней, но по мере приближения они принимали вид и цвет самый обыкновенный. Сложенные из светло-серых глыбин, стянутых окаменевшей сетью раствора, они пестрели зелеными бляшками мха и бурыми – лишайника. Поверху прозрачную броней растянулась ледяная корка. Тонкая, она таяла к обеду под скудным зимним светом Ока, а к вечеру вновь появлялась вместе с колючей трухою снега.

Прямо на въезде шероховатым языком, вывалившимся из пасти ворот, лежал большой поселок. Грязная река тракта разбивалась здесь на множество ручьев, которые тянулись к домам, постоянным дворам, лавкам, мастерским, стойбищам для скота и походных лагерей. Основной же проток, как и положено, вел к плотине ворот и даже по такому времени был пусть и не стремителен, но полноводен. Неторопливой змеей полз наирский караван; распевая гимны, шествовала колонна паломников, обряженных в волчьи шкуры; пара волов, разбивая копытами мерзлую землю, тянула грузеный свертками и тюками воз. Где-то неподалеку истошно ревели ослы. Пахло дымом и немного навозом.

И город блудливый раскинул объятья, готовясь ко встрече...

– Чаю... Кому ароматного горячего чаю... – сиплону голосу разносчика сопровождал перестук деревянных кружек. – Чай и пироги...

Строка катрена, пришедшая было на ум, оборвалась. Туран, отрицательно мотнув головой, попытался кое-как натянуть рукава куртки, чтоб прикрыть побелевшие ладони. Он с превеликим удовольствием выпил бы чего-нибудь горячего, но Фершах, давно свернув с тракта, вёл мулов без остановок, словно желая поскорее сбежать от пережитого страха. И Туран, говоря откровенно, его понимал. Ведь всё могло закончиться намного хуже. Ну откуда было взяться таможенному инспектору с патрулем так далеко от ворот?

Даже Карья честно признался, что до конца не уяснил, каким образом Фершах убедил стражников не лезть дальше первой тележки и не задавать лишних вопросов. Одно слово – мастер. Зато теперь окончательно стало понятно, почему за свои услуги этот неулыбчивый старик заломил цену вдвое выше обычной и поднял ее еще на четверть в процессе торга.

Туран врезал палкой по спине излишне ретивого нищего и сразу представил собственную экзекуцию. Тут поркой дело не обойдется: за их груз руки-ноги секут, а брюхо угольями набивают. В назидание, так сказать, жадности.

– Эй, парень, кончай кривиться, – Карья ободряюще подмигнул. Ну да, этому нипочем ни голод, ни холод, ни многодневная тряска в седле.

Высокий и худошавый Карья являл собой тот удивительный сплав многих черт, что встречается лишь в приграничье. Синие глаза и упорство наирцев сочетались в нем с медной кожей и ловкостью кочевников-хаши. Легкий нрав и изворотливость жителей Лиги уравновешивались спокойностью кхарни, в наследство от которых Карье достались также светлые волосы и обманчивая хрупкость черт. Рядом с напарником, Туран казался себе невзрачным и непримечательным. А еще – молодым и неопытным.

– Говорю же, улыбнись, не пугай детей мрачной физией, – Карья огрел хворостинной рыжего мальчишку, что сунулся было к тюкам. Оборванец с воплями бросился прочь, а Карья рассмеялся и, сунув два пальца в рот, свистнул вслед. А когда мальчишка обернулся, крикнул что-то на одном из наречий, наверняка, обидное.

Вот таким надо быть! Веселым и бесстрашным, чего бы ни случилось.

– Я могу отвести вас к Рауду. У него хороший постоянный двор недалеко, – бросил вдруг Фершах.

– Благодарю за любезное предложение, уважаемый, но я люблю прибывать к той цели, которую намечаю сам, – сказал Карья.

Фершах лишь пожал плечами.

Наконец, очередная улочка вильнула и уперлась в низкую длинную постройку. Стены ее, некогда выбеленные, теперь пестрели пятнами и потеками, соломенная крыша местами почернела, и дым тянулся не из печных труб, а тонкими сизыми струйками просачивался сквозь солому. Турану сперва даже почудилось, что дом горит. Но потом он заметил человека, который, оседлавши бочку, спокойно чинил сапог, а на дымящий дом и не оглядывался.

– Ладно, старик, – произнес Карья, спешиваясь, – здесь и распрощаемся.

– Дурное место, – пробурчал Фершах. – Вам виднее, но послушали бы деда, которому случалось видеть многое, а слышать еще больше, чем видеть. У Рауда хорошее подворье. Сам хозяин хоть и не богат, но честен и нелюбопытен.

– Спасибо за заботу, но это место нам подходит. Туран, помогай давай.

Фершах молча глядел, как развязывали веревки, как снимали ящики, о содержимом которых он старался не думать, как снова увязывали тюки с дешевой тканью. И не только с ней: была внутри пара свитков действительно хорошего товара.

– Что ж, мастер, – закончив дележ, Карья протянул поводья головного мула. – Мы свое слово держим.

– Да пребудет с вами милость Всевидящего.

– Трус, – прошептал Туран, глядя на поспешность, с которой исчез их проводник.

– Скорее, благоразумный человек. А теперь уходим. Бери, – Карья подхватил один из коробов так легко, словно в нем и вовсе нет веса. – Осторожнее только.

Туран хотел огрызнуться, но смолчал: в этом деле лишний раз напомнить – только на пользу. Собственный же ящик, показалось, весил больше обычного. Длинной в полтора и шириной в пол-локтя, он был изготовлен из особой древесины, прочной, но тяжелой, и перетянут для надежности кожаными ремнями. От них отходили веревочные лямки для переноски на спине. В крышке и по бокам виднелось несколько рядов аккуратно высверленных дырочек. Там же имелись бронзовые ручки, обмотанные тканью.

Хорошая вещь.

– Кого шабаршите, брысы? – отложив сапог в сторону, вдруг поинтересовался человек.

– Ништяво. Клеста водим, – отозвался Карья, прилаживая ящик за спиной. Туран ничего не понял, но сапожник объяснением удовлетворился, кивнул и снова принялся за дело.

Правда, случись Турану задержаться на несколько минут, он бы вероятно узнал битого Карьей мальчишку, который, скользнув во двор, принялся объяснять что-то человеку. Тот, выслушав, швырнул недошитую обувку в бочку и сердито пролаял:

– Ну, брысы шакушные! Внахрю пометелили... Цыркарю забаклай на попригляд, поласкавьте цветажных.

Карья, протиснувшись в щель между хибарами, выбрался на улочку, каковая, на взгляд Турана, ничем не отличалась от той, по которой они шли минуту назад. И предыдущей, и той, что была до неё. Петляли долго и вроде бы бестолково, но здесь Карья приостановился, огляделся, выискивая одному ему понятные приметы, одобрительно кивнул – видно и вправду идти недалеко осталось – и тут же, заслышав многоголосый гомон и смех, замер. А из-за угла уже торопливым ярким колесом выкатился хоровод артистов-оборванцев. И сразу, оглушая, грянули девятиструнные селимбины, завыли дудки, забренчали медные колокольцы. Ярко размазанные девицы затянули что-то озорное на смеси наирского и кхарни, а в руках жонглеров заплясали алые кольца. С полдюжины ребятишек, кружащих рядом, разразилось восторженными воплями.

Карья было попятился, но натолкнулся на Турана, а спустя мгновение оба они оказались в центре толпы.

– Не ведал старый басторне, как удержаться на жене... – заходились ненастоящие красотки.

– Эй, уважаемые купцы, всего за четыре «жеребка» Вармун проглотит десяток кинжалов! – заверещал юноша в желто-зеленых ромбах и дырах, ловко вставая на руки.

– Еще! Еще! – голосили мальчишки, восторженно следя за мельтешением колец, которых становилось все больше.

– Или фокусов желаете? – не унимался цветастый, становясь на ноги. – А может – эквилибристку-Ройше из Паристорна?

Мелькали пышные юбки и буфы, пахло вином и приторными духами. Что-то потянуло за куртку, разворачивая, и коснулось щеки. Туран оттолкнул было руку, но другая уже гладила шею. Мертвенно-бледное от пудры лицо с алыми губами оказалось вдруг близко-близко.

– Карманы, – рявкнул Карья и заработал локтями.

А Туран уже чувствовал, как гуляют по его телу, сковывают движения чужие руки. Одно плечо вдруг стало свободно, а взрезанная лямка легко соскользнула вниз, но ящик и не думал падать – кто-то его уже надежно держал сзади.

– Дай монетку бедной девушке... отблагодарю... – на широком подбородке красавицы через слой белил пробивалась щетина.

– А ну!.. – заорал Туран, но осекся, напоровшись на холодный взгляд и проблеск стилета, среди яркой ткани.

И тогда Туран сорвался. Плечью выбросил кулак от бедра навстречу страшному лицу, лишь перед самым ударом чуть дернув запястьем. Скрытый кинжал выскочил из широкого рукава и вошел точно в глаз комедианта. Вырвав клинок из тягучей раны, Туран наотмашь полоснул кого-то справа, судя по визгу – одну из девок. Лягнул, не глядя, стоящего за спиной и сразу присел, подхватывая ящик.

Ряженный рухнул одновременно с первым истошным криком.

– Убииивают!

– Стражааа!

Что-то глухо стукнуло о деревянную крышку, а Туран, не вставая, всю била по ногам, впрочем, почти не находя целей: артисты разбежались. Через четверть минуты проулок опустел.

Памятью о происшествии осталось несколько лужиц крови, оборванный бубенец и труп. Да еще – удаляющиеся, но не смолкающие вопли.

Карья сидел, привалившись к стене, и пытался отдышаться. Ящик стоял тут же. Карья, опершись на крышку локтем, придерживал его за ляжку: тоже, наверное, подрезали. А еще чуть-чуть и точно бы сперли. Туран виновато пожал плечами и протянул товарищу руку. И только после этого заметил потемневший бок куртки и измазанные красным Карьяны пальцы.

– Карья, ты что? Где... В каком кармане кровостоп?! – Туран попытался коснуться раны, но Карья мотнул головой.

– Не работает. Мы еще далеко... – Стеклянная палочка в его руках действительно еле светилась. – Бери груз и уходи.

– Тебя лекаря надо, я тебя сейчас... – Туран судорожно соображал, до конца не веря в серьезность произошедшего: амулет пока не помощник – плохо, но не беда. Заткнуть, чтоб не кровило, и дотянуть до лекаря. Должен же тут быть лекарь? Да и не может Карья умереть, он же... не может и все. Не такой он, чтобы из-за пустяка... чтобы в подворотне... не дойдя до цели.

– Слушай сюда, – прошипел Карья. – Ты возьмешь всё. И быстро уберешься. Важно – доставить. Ты понял? Понял?!

Туран застонал, посылая к железным демонам ящики и самого Карью, который кровью истекал, но думал лишь о проклятом грузе, запрещая помочь. А следом обматерил и сволочную ляжку, так неудобно обрезанную.

Пальцы сняли фиксатор, кинжал уперся в крышку, щелкнул стопор, зашуршала пружина, и клинок исчез в рукаве. На гладкой светлой поверхности не осталось даже отметины.

– Вали отсюда. Быстро! Пока стража или...

– Но ты же тогда...

Узел не завязывался, а значит, была еще несколько секунд, чтобы потянуть время. Туран знал, что Карья разозлится, когда поймет, но не мог заставить себя подчиниться приказу. И даже стража, способная появиться в любой момент, пугала несравнимо меньше, чем необходимость вот так просто выскользнуть из этой подворотни.

Нельзя бросать своих!

– Слушай, – Карья тяжело сглотнул, – Подворье Слепого Мауллы... Кварталов шесть направо. Любой ценой... Слышишь? Любой ценой! Потом ищи Ниш-Бака. Книжника. В городе. Пароль – яйцо...

Туран в очередной раз попытался завязать узел негнуцимыми пальцами, но снова не смог и завыл сквозь сжатые зубы.

Нельзя бросать!

Наконец, ремешок натянулся, и ящик привычно лег на спину. Кое-как сграбастав второй короб в охапку, Туран замер над умирающим напарником.

– Пошел! – снова зашипел Карья. – Дай мне подохнуть с верой в удачу!

Туран развернулся, сделал несколько шагов, а потом неуклюже побежал.

Нельзя. Но надо.

Если бы он мог оглянуться, то заметил бы, как из-за кучи мусора вылез давешний рыжий мальчишка. Он подошел к Карье и, мстительно улыбаясь, помахал перед его лицом ушибленной рукой. Но Туран убежал, не оглядываясь, ибо знал, что иначе уйти не сможет.

Колодезная вода обжигала руки и лицо холодом, отрезвляла и успокаивала настолько, насколько можно было успокоиться. Наверное, поэтому Туран и затягивал умывание, снова и снова подставляя сложенные лодочкой руки под струю.

– Хватит, – не выдержал Ыйрам и скривился.

Волохи не любят слабаков. Надо разговаривать. И Туран, дохнув на замерзшие руки, сказал:

– Я прошу меня простить, – первые слова дались с трудом, но тугой узел страха, сдавливавший горло, почти исчез. Главное сделано: он сумел. Дошел, отыскал двор Слепого Мауллы, доставил товар.

– Горячего вина? Бараньих ребрышек с тмином? – любезно осведомился Заир. Из всей троицы именно он больше всех походил на купца: низкорослый, полнотелый и улыбчивый, Заир вел себя с такой непосредственностью, точно и вправду был хозяином заведения, на заднем дворике которого они находились.

– Пить и жрать будем после. – Ыйрам и не пытался играть роль. Да и захоти – не вышло бы. И дело даже не в том, что цветастый кафтан и широкие шальвары смотрелись на его высокой сухопарой фигуре нелепо. Скорее уж происхождение выдавали длинный хвост волос и широкоскулое лицо с узкими глазами, но больше всего – рука, непрерывно ищущая оголовье отсутствующего меча.

Типичный косматый наирец. Волох – он волох и есть.

Имени третьего Туран не знал – представить его Ыйрам не соизволил, а спрашивать самому показалось неуместным. Да и держался Безымянный в тени, у двери, наблюдая и за служками, и за двором, и за Тураном.

– Показывай, – велел Ыйрам.

– Да, да, хотелось бы взглянуть. Пожалуйста сюда, удобнее будет... Они не замерзнут? Здесь довольно-таки прохладно. – Заир демонстративно подул на ладошки.

– Не должны. Там, откуда они родом, по ночам морозы, днем – жара. Тем и хороши, что стойко переносят такие перепады.

Туран не без труда – мышцы после пробега по дворам с двойным грузом ныли – водрузил ящик на стол. С некоторой опаской провел по пестрящим дырками боковинам и только потом взялся за замки. Заледневшие пальцы слушались плохо, ремни были затянуты туго, а помогать ему не стремились.

Туран вдруг с облегчением понял, что всего через четверть часа избавится не только от тяжелых коробов, но и от куда большей ноши – всех этих дней и событий. Забудет подворотни Шуммара, циркачей и Карью, оставшегося в том переулке. Попытается забыть. И если поторопится, то успеет к ежегодному соревнованию чтецов и толкователей, очистится словом и уютом родной Байшарры.

Пусть память, отпустив, свободу даст... даст свободу.

А дальше? Еще одна никчемная строка.

Наконец, получилось справиться с застежками, ну а замок проблем не доставил: ключ повернулся легко, внутри щелкнуло, и Туран откинул крышку.

– И это все? – Ыйрам разглядывал содержимое с выражением брезгливым и недоуменным. – Это и есть...

– Да, да, несомненно, – перебил Заир, наклоняясь над ящиком. Внутри, в разделенном на квадратные ячейки пространстве, заботливо укутанные в овечью шерсть, лежали яйца. Заир, ловко ухватив одно за заостренную верхушку, вытащил, положил на ладонь, поднял к свету. – Да... оно... великолепно... признаться видел лишь в... коллекции.

– Осторожнее. Чем ближе к сроку, тем тоньше скорлупа.

Яйцо было размером с гусиное. И крапчатая, отливающая золотом скорлупа его уже проросла сосудами. Еще несколько недель и она почти исчезнет, превратившись из твердокаменного защитного слоя в кожистый мешочек, прорвать который не составит труда.

– Здесь три десятка. Там, – Туран показал на второй ящик, – два с половиной. Это все, что удалось достать, но основная кладка – старшей самки аяла и еще нескольких из ее химны.

– Хорошая работа, – соизволил похвалить Ыйрам.

Заир же вернул яйцо на место и заботливо прикрыл шерстью.

Все, основное сделано. Остались инструкции. И Туран, мысленно пожалев, что вино так и не принесли – в горле снова пересохло – заговорил.

– Сроки рождения зависят от температуры. Время роста – от неё же и от корма. Поначалу подойдут мелкие насекомые, потом, где-то с двух-трех недель можно давать мясо, лучше если мелко нарезать и смешать с сырыми яйцами и толченым мелом. Он нужен для панциря. Недель с шести самечков отсадить отдельно, потому как самки станут формировать химны и подавят. Потом уже, в химны можно подсаживать, по двое-трое на одну. Признак взрослости у всех – шипы на головных пластинах, чем массивнее и длиннее, тем и старше.

Туран перевел дух и огляделся: слушали внимательно, даже Безымянный и тот, казалось, теперь смотрел исключительно на ящики с яйцами.

– Как только шипы проклюнутся, самки начнут гнезда рыть. Тут бы им песка, и чтобы жарко было. День на десятый после откладки яйца можно забрать, только сразу предупреждаю – самки в это время бешеные, нужно действовать очень осторожно. Что еще... Они умные, обучать легко, но опасно – они страх и неумелость сразу чувствуют.

– Замечательно, – перебил Ыйрам. – Мы довольны, что с нами отправится действительно знающий человек.

– Да, да, – закивал Заир. – Уважаемый, вы не представляете, как сложно найти того, кто действительно разбирается в сцерхах...

Отправится с ними? Разбирается? Нет, это была роль Карья, а Туран всего-навсего сопровождение! И ящеров он видел лишь издалека: кто б его, нечистого, к ним подпустил? А вот теперь кто б его, несчастного, отсюда выпустил...

– Какие-то сложности? – Ыйрам нахмурился. Очевидно, что сложностей он не любил. И решать привык по-своему. Упрямый волох не станет разбираться.

Карья бы договорился. Карья бы нашел нужные слова, чтобы отправить Турана назад, в Байшарру, в уютные классы старика Ру-Маха. А еще присоветовал бы, как на соревновании выступить. Карья в стихах разбирался. Он во всем разбирался. И будь нынче здесь, вопроса о том, кому в Наират ехать, не возникло бы.

– Я не могу, – Туран попытался говорить твердо и решительно. – Я остаюсь здесь.

– Погодите, уважаемый, как это? Как это вы остаетесь здесь? А кто, с позволения сказать, будет исполнять договоренность? Нам гарантировали не только товар, но и специалиста!

– Специалист погиб.

– Увы, увы, в жизни случается всякое, – сочувственно закивал Заир, оглаживая бородку. – Однако умные люди способны найти выход и из непредвиденной ситуации. К примеру, предположу, что ваше нежелание продолжить путешествие связано с рассказами обо всяких ужасах, которые творятся у нас.

– Лживыми рассказами, – грубо вклинулся Ыйрам. И рука снова схватилась за пустоту. Нет, все же Турану хоть в чем-то повезло: будь при волохе плетка или меч...

– Воистину прав мой многоуважаемый друг, это ложь и клевета. Сплошные кузнецовы балабонки. К слову, слышали последнюю? «Я не знаю, чего хочу», – сказал огонь в горне. И сожрал кузнеца! Правда, забавно?

Заир визгливо рассмеялся. Только вот в глазах его смеха не было. Предупреждает? Решайся, Туран, или сожрут тебя, как того кузнеца.

– Мы гарантируем полную безопасность во время пребывания... на нашей территории, – сказал Заир, отсмеявшись. – И очень надеюсь, что награда поможет принять решение. Ваш безвременно почивший партнер озвучил сумму?

– Вдвое, – опять перебил Ыйрам, сжимая кулаки. – Ты едешь с нами.

Если и первоначальная цена была огромна по представлениям Турана, то удвоенная, она в голове и вовсе не укладывалась.

– Подумайте, молодой человек, – Заир больше не улыбался, и серьезность совершенно не шла этому толстому лицу. Она искажала и уродовала черты, вызывая в памяти воспоминания о сказочных карликах, живущих по ту сторону мира.

В Наирате в них тоже верят, только считают демонами.

– Хорошо подумайте, прежде чем ответить. Это, – Заир провел рукой по крышке, – само по себе бесполезно. Вы не получите ни гроша. Вы не сумеете продать это кому бы то ни было еще. Вы останетесь в чужом городе с ненужным и опасным товаром. И с большими проблемами. Я не угрожаю, нет, но если сделка не состоится, то покупатель имеет право выразить недовольство. И не только исполнителем, но и лицом, за него поручившимся. Я не тороплю вас, я говорю, что мы выступаем утром, а потому неплохо было бы вечером знать, сколько мест просить в караване уважаемого Гаяши.

– Но я не специалист!

– Что-то мне подсказывает, что вы скромничаете, – снова улыбнулся Заир, засовывая ладошки в широкие рукава кемзала. – Похвально. Еще один приятный довод в пользу сотрудничества с вами.

Мысли перекатывались в Турановой голове подтаявшими ледышками: не ехать, никуда не ехать... Они думают, что деньги что-то решают, они уверены в этом. А если он исчезнет? Не получив никакой платы, просто испарится? Нет, это не просто подозрительно, это – почти провал... И плевать. Можно потянуть время, и к Ниш-Баку, как Карья сказал. Пароль – яйцо. Позволят взять? Но пока не получены деньги, это его товар. Пусть волохи смотрят, пусть думают, что хотят, лишь бы отсюда выпустили, а дальше что-нибудь придумается.

Туран достал из ящика яйцо и сунул в карман.

– Вы... уверены? – поинтересовался Заир.

– Мне нужно подумать.

– Конечно, конечно, но зачем вам это? – выразительный взгляд и очередная ласковая улыбка.

– Думаться будет легче, – отрезал Туран, унимая дрожь в руках. К демонам всю эту затею, без него пускай развлекаются, ему уже на сегодня хватило.

– Ну что ж, уважаемый, не смею вас задерживать. Тогай, проводи его в зал, позаботься, чтобы накормили. И нам подавать вели, и скажи, чтоб тмина не жалели на ребра! Да, да, уважаемый Туран, остальной товар пока останется у нас, вы сами всё понимаете.

Город жил. Он скулил на множество голосов, торгуя и торгуясь, ссорясь из-за рыбьих голов да перемороженной репы. Дребезжали повозки, ступала важно стража, бродячими псами крутились нищие. Но здесь, в кольце стен, неугомное движение было быстрее и злее. Оно порождало злость и тупое осознание собственной беспомощности.

Свободу даст... от мук освободив, укроет милосердно...

– Милосердия Всевидящего ради! Пожалейте, добрый господин. – Старик поспешно откинул лохмотья, выставляя изъязвленные ноги.

– Пожалейте, пожалейте, – заголосил другой, одноглазый и криворотый. – Осиротили!

– Сюда, господин, сюда. – Толстобрюхая женщина в линялой цигейке схватила за рукав. – Девушки, прекрасные и свежие, словно первые цветы! Согреют лучше вина!

От неожиданности Туран дернулся так, что чуть не повалил безобразную сводню, но та явно привыкла к подобному обращению и лишь крепче сжала пальцы. За что чуть было не получила удар под ребра: Туран с трудом сдержал нервическое движение.

– Старые и морщинистые ослицы! – Краснолицая, с повязанным на голове меховым платком старуха прилипла к другому боку. – Не слушайте ее! Она обозных шлюх понасобрала! А истинное наслаждение – в «Доме Ошара»: молодые и опытные, послушные и настойчивые!

На ее появление Туран отреагировал намного спокойнее.

- Тошие кильки! Сифилитички!
- Ах ты, стерва!
- Я тебе говорила – не лезь сюда, потаскуха!

Туран, кое-как высвободившись из цепких лап занятых ссорой зазывалок, заспешил прочь.

– Господину больше по душе мальчики? – Хитро прищурился старичок в кургузом кафтанчике. Лицо его было красно от мороза, а губы, покрытые коростой простуды, тянулись в вымученной улыбке – Или господин не ищет радости для тела? Может господину нужна иная помощь в чужом городе?

Карья говорил, что из Шуммара отправит Турана домой, а он, дурак, еще злился, что не достоин доверия. Вот тебе и доверие, вымученное, смертью выбитое, кровью оплаченное, бери, сколько сил хватит! Да только не осталось сил этих, одно стыдное желание убраться отсюда подальше.

подавив отвращение, Туран вложил в заскорузлую лапу старика монетку и тихо сказал: – Господин ищет, где бы редкую книгу купить. Очень редкую.

Лавку наполнял аромат книг. Отчетливо пахло свежим пергаментом, что еще хранил благоухание первозданной чистоты, и пергаментом старым, запах которого являл собой особую смесь чернил, времени и сухой прохладной утробы книгохранилищ. Был тут и пергамент также старый, но хранившийся долгое время небрежно. От него исходила слабая плесневелая вонь страдающего существа. Резко смердели собранные на широком подоконнике склянки с химикалиями для травления, червления и полировки тяжелых окладов, и мягко вплетались в это амбре нежные ноты ликопоного масла и сушеных мышинных грибов.

Эта знакомая и отчаянно отличная от какофонии уличных запахов смесь успокаивала. Почти как дома, почти как в библиотеке, не хватает только благородного мрамора стен и сладкой тишины, нарушаемой шелестом одежд, осторожными шагами, бормотанием, а изредка, чего уж там, и криками благородных мужей, забывшихся в поиске истины.

И свет тут другой. Окон много, а света мало: то ли стекла нехороши, то ли полки с книгами мешают, но в помещении сумрачно.

– Чем могу помочь господину? – Человек вышел откуда-то из-за полок. В руках он держал кипу страниц, зажатую между двумя дощечками, и дохлую мышь. Причем ее – едва ли не с большей осторожностью, чем попорченную книгу. Сам человек был вида весьма обыкновенного – невысокий, сутуловатый, с бледным лицом и характерным близоруким прищуром глаз. Облачение его – длинный шерстяной халат, теплые домашние туфли и чепец – придавало облику степенность и домашний уют.

– Все ли хорошо у господина? – поинтересовался человек. – И может ли старый Ниш-Бак чем-нибудь помочь той беде, следы которой он видит в этих глазах?

– Может, – Туран сунул руку в карман и вытащил яйцо. Сквозь полупрозрачное золото скорлупы просвечивал темный силуэт зародыша. Яйцо хотелось сжать в кулаке, чтобы треснула скорлупа и потекла по пальцам желто-красная жижа, чтобы хоть как-то, хоть кому-то отомстить.

Ниш-Бак молча обошел Турана, замкнул дверь и поманил за собой наверх.

...освободив, укроет милосердно...беспамятство.

Запутались слова.

На втором этаже лавки пахло по-прежнему книгами, но запах этот казался острее и злее. Теперь в нем было больше кисловатой плесневелой вони, а еще дымной и навязчивой ликоповой. Черные крупинки семян виднелись и на полу, и на книжных полках, и на подоконниках, гораздо более узких и грубо сработанных, чем внизу.

– Мыши, – пояснил Ниш-Бак, рукавом вытирая стол. – Расплодились, з-заразы, теперь не вывести. И грызут, и грызут, и портят. Вот ты посмотри, чего творят!

Он разрезал бечеву, стягивавшую доски и продемонстрировал поеденные в лохмотья листы.

– Кошку надо бы завести новую. Сбегают, заразы. Или мрут, – Ниш-Бак продолжал бормотать, выставляя на стол плетеную корзинку с сухими хлебцами, кувшин, кубки, нарезанное мясо и сыр, глиняные горшочки с повязанными тканью горловинами.

– Ешь и рассказывай, – велел он, вываливая в миску холодный, слипшийся красно-розовыми комочками плов. Турана затосило.

– И не бойся, сюда мыши не добираются, тут я их... – Ниш-Бак поднял тельце за хвост-нитку, не глядя, кинул в ведро и, доверчиво улыбаясь, добавил. – Хуже этих тварей только люди.

Мыши? Да какие мыши, о чем он тут думает, когда такое случилось?! Карья погиб, волохи требуют, чтобы Туран отправился с ними, и неизвестно что сделают с грузом, если он не поедет. А если так, то выйдет, что все зазря? И пустыня, и бадонги с их нежеланием говорить о ящерах, и долгие переговоры с шаманом, который то грозился предать смерти, то наоборот, плакался о грехах; и дорога назад, и Карьяна гибель.

Но ведь Туран не может отправиться! Ему домой надо, в Байшарру, и чтобы к соревнованию успеть, чтобы забыть, чтобы все как раньше.

– А не будет «как раньше»! – рявкнул Ниш-Бак, обрывая поток Турановой речи. – Никогда не будет, потому как тут, – он пальцем постучал по лбу, – тут ты будешь помнить все, каждый день, каждый час, каждое метание глупой души. Ешь, тебе говорят.

Кислый плов забивал глотку жиром, есть его было невозможно, как невозможно противиться приказу, произнесенному таким тоном. И потом Туран с благодарностью принял кубок со светлым, тоже кислым, но хотя бы не жирным вином.

– То, что случилось, плохо, очень и очень плохо, – Ниш-Бак задумчиво поглаживал изгрызенные листы. – Прежде всего тем, что ты и вправду плохая замена для Карья. Очень плохая замена. Но Всевидящий пишет судьбы мира, а мы лишь в меру ничтожных сил своих можем пытаться изменить ту или иную букву, реже – слово, еще реже, если очень повезет, – строку.

– Я не хочу...

– Чего? Что именно тебя так пугает? Необходимость на некоторое время отправиться в Наират? Поверь, там совсем не так ужасно, как об этом рассказывают. Да и пугают в этих историях вовсе не тем, чем следовало бы. А может, и не следовало бы?

– Я не понимаю!

– Я и сам понимаю не всегда, – признался Ниш-Бак, поднимаясь. – Идем, я покажу тебе мои сокровища. Я и вправду торгую книгами, вернее покупаю, вымениваю, выискиваю. Собираю редкости, а потом отправляю туда, где им самое место. Идем же.

В этой комнате не было полок, только сундуки – длинные, узкие, из железного дерева, с бронзовыми петлями-запорами.

– Это чтоб мыши не добрались, – пояснил Ниш-Бак, откидывая крышку ближайшего. Достал он изрядно изуродованный фолиант: с одной стороны страницы были подпорчены огнем, с другой – разбухли от влаги, но чернила не размылись и даже на коричневой, пожженной части буквы проступали четко. – «Молчащая флейта», последнее творение Саяра из Лешты.

– Того...

– Да, Туран, того самого глупца, который не пожелал покинуть родной город, хотя мог бы бежать. И жить мог бы. А вот это «О зельных травах милостью Всевидящего растущих, о

свойствах их и характерах». Название длинное, автор вряд ли тебе известен, но был умнейшим человеком. Впрочем, порой опасно быть слишком умным.

Ниш-бак вдруг усмехнулся, поколдовал над крышкой сундука, извлек из распахнувшегося секретного отделения совсем тонкую книжицу и протянул ее Турану. Среди плотных россыпей какой-то неизвестной тайнописи порхали на стрекозиных крыльях скланы.

– Ну а за этот... хм... фолиант многие отдали бы сотню жизней. Кстати, и отдали.

Рисунки были мелкими, но выполненными с особой тщательностью. Приглядишься, и рассмотришь сложный узор на крыльях или выражения лиц – одинаково безбровых, большеглазых, но вполне себе человеческих. Да и вообще на людей похожи, разве что как-то слишком уж хрупки выписанные миниатюристом тела, непропорционально длинны руки и ноги, и не оттого ли непомерно широкими кажутся плечи? Особенно у этих двух, замерших друг напротив друга, разделенных вязью символов и соединенных черными хвостами кнутов. Бой? Ритуал? Дуэль? Да Турану-то какое дело?

– При чем тут книги? – Туран бережно положил книжицу обратно.

– А при чем Байшарра? Ежегодные соревнования чтецов, библиотека, едва ли не крупнейшая в Кхарне...

– Крупнейшая.

– Допустим, – охотно согласился Ниш-Бак, укладывая книжицу в потайное отделение. Сунув руку в карман, вытащил горсть черной соли, которой щедро сыпанул на остальные книги. Запахло ликопой, и Ниш-Бак чихнул.

– Допустим, крупнейшая. И город славный, крупный и богатый. И люди в нем живут хорошие, такие, что любят книги и чтецов, готовы слушать, радоваться, ждать праздника. – Он подошел к следующему ящику и вынул том в тяжелом серебряном окладе, поманил рукой и, протянув, велел. – Открой. Скажи, байшаррец, доводилось ли видеть книги с такой вот печатью?

Первый лист, нежно-хрупкий, едва тронутый сеткой трещинок был чист, лишь в нижнем углу виднелась круглое клеймо ярко-красного цвета в виде наклоненной башни.

– Богатая была библиотека в Нэште, на весь Мхат-Ба славилась. Как и сам город. Что с ним случилось?

– Его сожгли по приказу кагана Кай-Тэ, обвинив в мятеже и укрывательстве запрещенных трактатов.

– Молодец, – похвалил Ниш-Бак, бережно принимая драгоценную книгу. – Историю знаешь, только, верно, никогда не думал, что она имеет особенность повторяться.

– Байшарра – не...

– Не город Наирата. На печатях ее библиотек горы, а не Понорки, – мягко перебил Ниш-Бак. – Пока. Но кто знает, кто знает. Сколько раз случалось падать тому, что заявлено неприступным? Сколько раз случалось платить за гордость кровью? Сколько раз чей-то каприз оборачивался последствиями непоправимыми и необратимыми? Ты отказываешься ехать? Пускай. Не в моих силах тебя заставлять. Я даже помогу тебе выбраться, отправлю сопровождать книги, раз ты больше ни на что не годен. Но учти Туран, наирцы получили груз. Они попытаются вырастить сцержов. С тобой или без тебя, но у них это выйдет. Магия – серьезное подспорье во многих делах. А раз уж маги заинтересовались такими редкостями, как горные ящеры, то вряд ли для того, чтоб просто полюбоваться на них. Нам стоило больших трудов перехватить этот контракт, еще больших – его исполнить. И вот теперь, лично вложив в руки волохатых дубину, способную проломить ворота Байшарры, ты отворачиваешься и трусливо говоришь – не могу?

Лучше бы он кричал, на крик Туран ответил бы криком. А что ответить человеку, который спокойно и уверенно излагает собственные Турановы мысли?

– Ты уже обеими ногами в деле. Другого специалиста просто нет, а оставить наирцев с ящерами и без присмотра... Уничтожить яйца? Волохи повторят заказ. Только мы-то уже вряд ли сможем его перехватить. А значит, не будем знать, к чему готовиться. И предотвратить не сможем.

– Но что мне делать?

– Решать, – ответил Ниш-Бак, захлопывая крышку ящика. – Когда-нибудь всем придется что-то да решать.

Следующим утром из ворот Шуммара выступил караван мастера Гаяши. Туран, кутаясь в подаренный наирцами плащ, старательно гнал мысли, что решение, им принятое – ошибка. Нет, все верно. Все правильно. Туран должен хотя бы потому, что больше – некому.

Когда, спустя два дня, они наткнулись на первую группу повешенных, Заир пояснил, что законы против дезертиров, бегущих в Шуммар и другие города Лиги, соблюдаются неукоснительно даже в... хм... приграничье.

Именно тогда Туран вспомнил, какими ослепительно-белыми в предрассветной синеве казались стены Шуммара. Только ведь это ложь, на самом деле они серые.

На самом деле все не так, как кажется.

Триада 2

Элья

Иногда научиться ползать сложнее, чем научиться летать. И здесь многое зависит от учителя.

Кырым-шад, хан-кам

Ты еще не видишь Понорки. Но уже чувствуешь их. В том мощь и благословение Наирата.

Трус, глупец, обманщик, или Снова о трех уродцах.

– А я тебе говорю, что она-таки дохлая! Нашто ты ее хапал? Говорила – не тронь? Говорила?!

Визгливый голос расколол мозаику сна. Вдребезги разлетелось лицо доктора Ваабе, ухнула в темноту чья-то спина с воткнутым ножом, растворились друг в друге воины-люди и острокрылые фейхты. Пустоту сразу же заполнили монотонный скрип и боль.

Не открывая глаз, Элья застонала.

– Говорил же тебе, Арша, не дохлая она. – Второй голос был грубее и тверже. Совсем как доски, об которые колотился затылок. – Скланы-та живучия. Вона как задергалася.

По телу прошла судорога. Невыносимо! Прижаться к полу лопатками, хоть как-то удерживать жизнь, разлетающуюся искрами сквозь прореху.

– А я говорю, все равно сдохнет. Крыльёв-таки нету, нету крыльёв!

Крыльев больше нет.

Элья скрючилась на соломенной подстилке, натянув кусок мешковины в тщетной попытке защититься от холода.

Надо терпеть.

– Эй ты, на-таки. – Арша, хозяйка визгливого голоса, поставила на пол миску с кашей и привычно толкнула в сторону Эльки. – Ешь-таки, а то помрешь.

Фраахи порадовался бы, старый дерьмоглот. Его затея. Но почему не сразу в утилизацию? Хотел, чтобы помучилась перед смертью? Значит, добился своего. Вот только агония слишком затянулась.

Или, наоборот, это спасение? Скэр помог, как сумел? Видимо, так.

Да, она выживет. Как и должно фейхту. А потому – терпеть, терпеть и снова терпеть.

– Так-таки не ест, – громко пожаловалась Арша. – Таки сдохнет. Неча было лезть! Режется солдатня с крыланами? Так нехай себе и режется. Че полез? Вот когда б и нас тож порезали, а, Вольс?

– Так не порезали ж, – возразил Вольс, такой же уродливый человек, как и Арша. – А времечко такое – кто скумекал, башкой рискнул, тот и состоянию заделал. Радуйся, дура, что твой муж клювом не прощелкал, когда оказия вышла.

До чего же они громкие, до чего неряшливые, до чего бесполезные. Икке... Хотя у людей вроде иначе. Непонятно. Но икке везде одинаковы.

Икке умирают. Элья – не икке. Фейхт. Выживет.

– Чудная оказия! Из кустов скакануть, схватить первый попавший сверток и деру дать. Да ковер, в котором эта тварь завернутая была, и то поценнее будет. Не, ты не лапотник – ты умник засратый. А гадина эта таки сдохнет.

– Не ори. До Каваша немного осталось, успеем.

Вол медленно тащил повозку. Та скрипела, подпрыгивая на корнях и камнях, и норовила завалиться на бок. Звякало железо в сундуках, дребезжали горшки, воняло мокрым деревом, смолой и человеками. Шумные они. Грязные и надоедливые.

– Ешь-таки, – Арша палкой подпихнула плошку, повторив приказ. – Ешь.

Права. Чтобы выжить, надо жрать.

Элья протянула руку, попытавшись зацепить край плошки. Пальцы схватили воздух. И во второй раз тоже. А в третий окунулись в холодное клейкое варево. Зато получилось не опрокинуть. Уже достижение.

Надо набираться сил. Тогда будет шанс выбраться из клетки на своих ногах.

– Ты-таки смотри, чтоб как взапрошлый раз не было! – Арша суетилась. Она металась по повозке, заглядывая то в один сундук, то в другой. Доставала что-то оттуда, примеряла, потом снова прятала. – А ты-таки не гляди! Не гляди! Ишь, зыркалы вылупила.

Она погрозила Элье кулачком, потом, видимо решив, что этого не достаточно, подхватила длинную палку и ударила по прутьям клетки.

– Да перестань-та, – вяло отозвался Вольс. – Город уж.

Повозка затряслась, мелко и часто. Потянуло смрадом сточной канавы, дымом и навозом. За полотняной стеной закипели голоса. Сталкиваясь друг с другом, они мешались, угасая до едва различимого бормотания, чтобы выплеснуться вдруг истошным визгом.

– Дорогу! Дорогу!

– Рыба! Све-е-е-е-жая рыба!

– Куда ты прешь? Прешь-то куда? Мать твою...

Голоса наплывали лавиной, перемежаемые лязгом, скрежетом, ревом и ржанием. Наконец, повозка, вздрогнув, остановилась.

– Ты чего-эта вынарядилась? – Впервые в голосе Вольса сквозило раздражение.

Не будь ей так плохо, Элья бы рассмеялась. Это он Арше? Ревнует, что ли? Кому она, человечка чумазая и завшивевшая, нужна?

– Таки город, город-таки! – застрекотала та. – А ты сам, сам-таки по шлюхам пойдешь? Зенки твои бесстыжие!

Они еще долго ссорились, как-то глупо, бессмысленно, как могут только икке, пусть и человеческого рода. И Элья, устав от чужих ссор, отползла в угол. Устроившись в полуметре от прутьев, она попыталась дотянуться до них правой рукой.

Получилось.

Пальцы левой схватили воздух. Ничего. Элья повторит. И будет повторять столько, сколько понадобится. Без крыльев жить невозможно? К демонам теории умников вроде проклятого Ваабе.

– Спокойно сиди, – велела, заглянув в повозку, Арша. – Завтра торговать будем.

– Жуть жуткая! Тварь редкая! Серошкурая! Живая крылана! Всего за полмедяка на погляд, еще «жеребка» – тухлятиной кинуть, два – тыркнуть палкой, только не до смерти! – Арша верещала, умудряясь перекрикивать ровный гул рыночной толпы. Голос ее вызывал рвотные спазмы и отвращение к себе.

Элья потрянула головой и от слишком резкого движения едва не упала. Проклятье!

– Крылана! В живку, какова она есть! Всего за полгроша на поглядеть!

Пусть глядят. Кидают. Тыкают. Элье плевать и на них, и на их ненависть.

Из щели высунулся крупный жук. Его надкрылья проблескивали прозеленью, а короткие усы настороженно щупали воздух. Вот жук пополз по земле, шустро перебирая лапами. Элья попыталась накрыть его ладонью. Почти вышло.

Жук – не прутья. Шустрый. Тем лучше.

– Господине! Живая тварь! – Арша завела свое. И от окрика этого жук замер, позволяя поймать себя.

Получилось! Жук под рукой ворочался, щекотал ладонь, шевелил надкрыльями и грозно пощелкивал, но вырваться не мог. А вот Эля могла его раздавить. Или оторвать крылья и бросить, чтобы жук медленно подыхал среди других жуков...

Она подняла руку и, почти позволив доползти до дыры в полу, снова накрыла, но уже левой.

Определенно, координация улучшалась. Жаль, что клетка слишком тесна, чтобы встать. На четвереньках Эля передвигалась почти нормально, разве что влево слегка заносило. И от резких движений руки подламывались.

Интересно, если жуку крылья оборвать, он тоже начнет спотыкаться?

– Господине! Изъявите милость! Крылана, всего полжеребка! Живая!

– Что, прямо там? – Эта тень – высокая и уверенная, и Аршина перед нею гнется, едва ли не стелется по мерзлой земле. – Живая склана?

Эля попыталась перехватить скользкое жучиное тело. Пальцы слушались плохо. Это из-за крыльев или из-за холода?

– А то! Живая! Совсем живая! Таки не сдохла, – последние слова Арша произнесла с явным недоумением. – Сами, сами, господине, убедитесь. Полгроша всего.

Полог скользнул в сторону, впуская в палатку свет. Тонкий луч растянулся ослепительно-белой полосой, лизнул прутья решетки, резанул по глазам, заставляя зажмуриться, и откатился назад, замерев у самого порога. Тень, та самая, с властным голосом, замерла там же, у ног ее плясали пылинки, а глядеть выше Элье было не интересно.

Жучиные лапки скребли по пальцам. Еще чуть-чуть и вывернется.

Человек ступал мягко, хотя особо выхаживать было негде – клетка занимала почти весь шатер – и приблизился вплотную. Эля услышала ровное дыхание и тихий скрип кожаных ремней. Чуть позже почувствовала запах – лавандовое масло, розмарин и фенхель.

– И вправду склана. Бледная она какая-то у тебя. Белая почти... А крылья где?

Крылья жук прячет. Упрямый. Плотно прижимает надкрылья, защищая тонкое полотно мембраны. Но Эля доберется. До нее ведь добрались, а значит и она право имеет.

– Таки не было, – голос Арши скрипнул особенно противно. Бойтся, что накажут за такое шельмовство? – Таки подобрали дохлую совсема. Она поначалу и жрать-то не хотела.

Ноготь подцепил жесткий край, потянул, отводя хитиновую шторку.

– И где подобрали? Только смотри у меня, соврешь – шкуру спущу.

– Так это... того... таки ехали-ехали, а тама лежат. Ну эти которые, и сдохлые совсемака. И кровищи-то, кровищи, я Вольсу-таки говорю, поехали, а то порежут. А он-таки – нет. Поперся. Таки говорит, тама наши этих побили и погнали, и от ее-таки приволок. Я ему – а на что, а он мне – таки пускай.

– Назови место, дура.

– Ну это... за Симушницами, тама, где поворот на заброшенную фабрицию.

Эля крепче сжала жука.

Значит, не такая фабриция и заброшенная. И портал там, по всему – вполне рабочий, только наверняка жрет эмана на порядок больше, чем обычный. Но зачем спускать через такую воронку целый отряд, к тому же с риском подставить его на под удар? А удар, надо сказать, последовал незамедлительно и весьма крепкий, если судить по словам Арши...

– И сколько ты здесь еще стоять будешь? – спросил человек, похлопывая толстой плетью по сапогу.

– В городе?

– В городе. На рынке. На этом, демоны тебя побери, месте!

– Таки... два... три дня. Уплочено! По честности уплотнено. Вольс-таки кузнечным торгует, а я с нею, с нею вот.

– Пойдем поговорим, бабка.

Люди убралась, и Элья, отодвинув на время вопросы – мысли были такими же тугими и неловкими, как мышцы – занялась жуком.

К сожалению, крыло, хрустнув, выдралось с куском панциря. Желтоватая жижица измарала пальцы, а жук подох. Стало скучно. И люди потянулись бесконечной вереницей: по одному, по двое, по трое, держась за руки, подпихивая друг друга локтями, указывая пальцами, матерясь. Они пинали клетку, тыкали палкой, норовя попасть по телу – с каждым разом уклоняться получалось лучше – плевали и ненавидели.

Их беспомощная ненависть утомляла, поэтому, когда Арша выпихнула последнего посетителя, Элья обрадовалась.

– Таки живая? – Присев на корточки у самой клетки, Арша печально покачала головой. – Много, да?

Много. Шумно. И холодно очень.

– На вот рогожку. – Арша, намотав на палку что-то бесформенное и воняющее плесенью, сунула между прутьями. – Таки бери, а то околеешь.

Рогожка не очень помогла, и поспать толком не получилось.

А утром Элью купили.

– Грязь, грязь, грязь... Всевидящий, сколько грязи! Туда! – Женщина указала на исходящую паром кадку. – Садись.

У нее было круглое лицо с мягкими, чуть отвислыми щеками, белые волосы и красные распаренные руки. Не обращая внимания на стражника, что молчаливой тенью замер в углу комнатухи, женщина содрала с Эльи остатки одежды и толкнула к кадке.

– Мыться.

Вода обожгла кожу. Пальцы сдавили плечи, толкая вниз, в кипяток, а на голову полилась едкая жидкость. Элья попыталась выскользнуть, но женщина оказалась слишком сильна. Вцепившись в волосы, она то окунала Элью, то вытягивала, выворачивая жгутом мокрые пряди.

Элья, стиснув зубы, молчала.

Первым не выдержал стражник, сказал:

– Полегче, Шуда, утопишь еще.

Тогда отпустили, позволяя вдохнуть.

– Грязная, – отозвалась Шуда, расплываясь лживой улыбкой. – Грязь – плохо.

Стражник только хмыкнул, когда она стряхнула на пол комок мокрых волос. Наверное, он тоже понимал, что икке даже ненавидеть по-настоящему не умеют. Кусают исподтишка, а кнут покажи...

У человека, который привел Элью сюда, кнут имелся. Короткий и толстый, он посверкивал серебром и был совершенно бесполезен в бою. Зато Арша, глядя на этот кнут, кланялась. Хотя и не переставала торговаться, твердя про «дюже редкостную тварь». И человек, злясь, набавлял, по монете, по полмонеты, пока, озверев, не пообещал в качестве оплаты намыленную веревку.

А потом клетку открыли и велели выползть. Выползти получилось. Встать тоже. И не упасть на первом шаге. А после третьего подняться и сделать четвертый. Человек сперва наблюдал, не помогая и не мешая, а когда надоело, связал руки и повел.

Неспешным шагом он пересек базарную площадь, где сырая солома и кожура орехов прикрывали грязь и нечистоты, свернул на улочку и, пройдя по гнилым мосткам, выбрался к городской стене.

– Живая? – поинтересовался он, сплевывая под ноги.

Элья не ответила. Она смотрела. На шатры, растянувшиеся вдоль стены. На шесты, увешанные пучками конских хвостов. На коновязи, лачуги, шатры и людей. На уродливое строение в два этажа, над входом в которое висела крашеная доска.

– Правильно. – Человек по-своему истолковал взгляд. – Тебе туда.

Он и передал Элью беловолосой Шуде, велев привести в «надлежащий вид», и подкрепил приказ несколькими монетами. Но то ли денег оказалось мало, то ли ненависти много. Элья не знала.

Терпела. Ждала. Молча напялила принесенную Шудой хламиду. Легла на скамью, когда позволили. Встала, когда приказали.

Подчиняться приказам было разумно. Пока.

Этот шатер выделялся размерами и показной роскошью полога. На бирюзовом шелке уместился целый мир, вышитый золотой нитью. В нем под пристальным взглядом огромного солнца крохотные люди на крохотных лошадках воевали с другими людьми, побеждали, вели пленных, казнили их. Последние сценки были выписаны с особым тщанием.

– На что выпялилась?! – рявкнул стражник, перехватывая копьё. Стражи здесь хватает, но охраняют не Элью, а человека в шатре.

Он – гебораан, если может позволить подобную роскошь. И шест с семью конскими хвостами да парой золотых шнуров, вероятно, рассказал бы многое, умея Элья читать этот язык. Но она не умела и потому просто ждала, разглядывая картинки. А заодно и проверяя границы дозволенного.

Рисованные люди были жестоки.

– Посажный Урлак готов принять. – Наружу выглянул лысоватый мужчина. – Посажный Урлак велел без стражи. Желает самолично беседовать.

Мужчина выбрался наружу, а Элью не слишком-то вежливо подтолкнули в спину. За такое на Островах сперва бьют наотмашь, а потом вызывают на разговор в тесном дворике.

Внутри воняло мехами: старыми, переложенными для сохранности полыньёю, но оттого лишь более смрадными. Иногда враг прячется за вонью. У самого входа стоял стол – приземистый, никакого выигрыша по высоте в случае чего – за которым цепочкой вытянулись сундуки с покатыми крышками. А вот между ними можно поплясать и против нескольких противников. Масляная лампа да тренога с россыпью углей разбавляли темноту до блекло-сиреневых сумерек.

Эмана нет. Стражи нет. Оружия тоже нет.

– Мой род следует обычаям предков, – тихо сказал кто-то. – Простые дома – для детей, женщин и рабов. Воин же никогда не должен забывать о том, кто он есть.

Хозяин шатра, стоял у дальнего сундука. Сразу и не допрыгнуть.

– Ты понимаешь меня? Наш язык? По глазам вижу, понимаешь. Хорошо. Понимание – это уже много. Иди сюда. – Легкое движение, от которого всколыхнулся воздух, и на другом конце шатра вспыхнул свет. – Расскажи о себе.

Посажный – знать бы, что означает сей титул – Урлак был болезненно худ.

Костистое лицо его со скошенным вяловатым подбородком и узкими, приподнятыми к вискам глазами разительно отличалось от прочих лиц, виденных Эльей. Она даже не сразу поняла, что причина не в чертах, но во взгляде, отстраненно-задумчивом и холодном. Большинство наирцев, встреченных ранее, горело ненавистью изнутри. Этот был словно заморожен.

– Садись. – Урлак указал стул, единственный в шатре и явно чуждый месту. Россыпь подушек на белом ковре смотрелась куда более гармонично. – Почему у тебя нет крыльев?

– Потому что их отрезали.

Вопросы этого человека не следовало игнорировать, но Элья не знала, какого еще ответа он ждет. А ведь ждет, притом терпеливо. С левой руки его нефритовой змейкой свисают четки. Змейка ползет, перестукивая чешуями-бусинами, отсчитывая мгновенья.

Щелк-щелк-щелк – вряд ли Элью пощадят.

Щелк-щелк – люди убивают клан.

Щелк – клан тоже убивают клан.

Иногда в спину.

– Почему их отрезали? – Он поднял руку, и змейка зеленой лентой обвилась вокруг запястья, скрываясь в широком рукаве халата. – И кто? Люди?

– Нет.

– Твои сородичи?

– Да.

– Это ведь не ритуал, так? Нарушение закона? Гораздо вероятнее. В некоторых городах Лиги вору отрубают руку. Клеветнику вырывают язык. Насильнику... Впрочем, важно не это, а то, что все действия символичны. И мне интересно, за какое преступление у вас положено лишать крыльев?

Элья всмотрелась в его глаза, пытаясь понять, что скрывается за вымороженностью. Тугая голова не соображала. Это опаснее, чем плохо слушающиеся руки.

Теперь мысли часто разлетались осколками, как сон про доктора Ваабе. Раньше такого не было. Всё из-за крыльев. Из-за них тело чужое и в голове пусто-пусто. Как у икке или хуже.

– Говоришь ты, пусть и неохотно, но довольно чисто. Полагаю, случалось спускаться и неоднократно. Фактории? Наемники? Разведка? Или самое пекло?

Он был отвратительно проницателен. Да, Элья понимала их наречие, могла и разговаривать. Была отличная практика. Вранье, что наирцы скорее умрут, чем расскажут что-то.

Урлак усмехнулся.

– Достаточно необычна, чтобы заинтересовать. Достаточно упряма, чтобы удержать интерес. Достаточно живуча, чтобы его выдержать. Хорошее сочетание.

Под коркой льда проскользнуло удовлетворение, но чем именно – Элья не поняла.

– Молчание в данном случае вовсе не золото, – заметил Урлак, подходя ближе. Слишком уж близко, чтобы можно было чувствовать себя в безопасности. Пальцы его, словно невзначай коснувшись щеки, скользнули к подбородку. Жесткие, они пахли железом и вызывали отвращение, но на попытку отстраниться последовала команда:

– Сиди смиренно. Я ничего тебе не сделаю.

Волосы, шея, плечи... Что ему нужно?

Еще одна команда:

– Встань. Повернись.

Умеет приказывать. Станный осмотр продолжился. Человек желает удовлетворить свое любопытство? Пускай. Он ничем не лучше тех, которые приходили в Аршину палатку, и ничем не хуже их. Обыкновенный.

– Что ж. – Урлак отступил. – Мне, пожалуй, иногда везет. До идеала далеко, но с мужчиной было бы еще сложнее. Садись. Ты голодна? Если нет желания говорить, можешь кивнуть.

Элья так и сделала.

Ворох подушек, а между ними двурогий канделябр с парой толстых свечей. Белые круги блюд. Ни одного ножа. Запах жареного мяса вызывает тошноту, вкус почти не чувствуется, но есть надо.

Урлак наблюдает. Пускай.

Стол низкий до того, что сидеть за ним не получается, а если прилечь – так не получается есть. По пальцам течет горячий жир, который приходится слизывать, иначе они будут скользить на рукояти...

– Не переусердствуй, – наконец, соизволил заговорить Урлак. – Это не жадность, просто наша еда может оказаться слишком непривычной.

Пожалуй, он был прав. Самой бы следовало подумать. Да и драться с набитым животом плохо.

– Некоторые полагают, что вы питаетесь сугубо нектаром. Или – как там? – дерев плодами, неоскорбленными землею.

– Ошибаются. – Разливающаяся по телу сытость на некоторое время примирила Элью и с Урлаком, и с жизнью вообще. Определенно, она становится похожа на икке: только и надо, что пожрать да поспать.

– Я рад, что ты все-таки решилась заговорить. Это во многом облегчит задачу. Вина? Белое валесское, розовое из Шади, красное... Пожалуй, красное. – Он наполнил кубок.

Вино темное, в черноту и сладкое до омерзения, но Урлак приказал:

– Пей. Привыкай. *Он* любит именно этот сорт.

Винная патока склеила горло. Урлак же, щелкнув нефритовыми косточками четок, продолжил допрос:

– Ты можешь творить волшебство склан?

– Нет.

– Совсем?

– Совсем.

– Жаль. Но мы это немножко проверим. Потом. Умеешь танцевать?

– Что?

– Танец. Движение под музыку.

– Нет.

Вино пробудило наглость, и Элья, уже не стесняясь, разглядывала человека. Посажный богат. О том говорит и халат его – кажется, правильно говорить кемзал – из плотной парчи с оторочкой из собольего меха; и широкий пояс, украшенный золотыми бляхами. С пояса на коротких ремешках свисают короткая толстая плеть да деревянный пенальчик с наличниками тонкой чеканки. Вряд ли что-то боевое, скорее, коробка для перьев. На руках князя перстни, на плечах цепь с желтыми топазами. А вот подвеска на ней простая – круг, разделенный пополам. Серебряная кайма, белая эмаль и черная эмаль: внизу тоже чтят Всевидящего, пусть и по-своему.

– А играть музыку можешь? Кеманча? Риг? Сагагы? Селембина?

Снова нет. Во-первых, Элья понятия не имела, что такое кеманча да и все остальное. Во-вторых, музыка – для дьен.

– Тогда чтение? Мне доводилось слышать, что бывают женщины-чтецы.

Что ему вообще нужно? Да, Элья умеет читать – а кто не умеет? – но она не чтец. Она – фейхт, воин. Была.

– Воин? – переспросил Урлак. Повозился с поясом и толкнул через весь стол пенальчик.

Внутри оказались не перья, но разнообразнейшие стила. Элья перебрала несколько, выбрала одно, уперла в столешницу, надавила, стараясь почувствовать прогиб. Неплохо. В полторы пяди длинной, удобно лежит в ладони, а голубоватый оттенок шепчет об *изменной* стали. Элья показала стило Урлаку.

– Что ж, воин это тоже забавно, – произнес посажный. – И верни на место второе стило, мне не доставит удовольствия вытаскивать его из твоего рукава. Или собственной шеи.

Элья вытряхнула в коробку тончайшую спицу, качество которой не требовало даже проверки.

– Ты ему *Ему* определенно понравишься, склана.

– Кому?

Ее не собираются убивать. Во всяком случае пока. Урлак любезен, дружелюбен и, несомненно, расчетлив. Вопрос в том, чем обернется его расчетливость для Эльи. Но выбирать пока не из чего.

– Я нахожусь сейчас в презанятной ситуации. – Урлак вновь разлил вино по кубкам, и на сей раз Элья не стала ждать приказа. – Мне придется рассказывать простые вещи существу, которое я планирую поместить в непростую ситуацию и извлечь из этого пользу. Если в общих чертах, то... Всевидящий наградил Светлоокого кагана Тай-Ы, да продлятся годы его в радости и благоденствии, двумя сыновьями. Старший, наследник – тегин, владетельный князь Аррконы, Юкана и Таври, светлейший Ырхыз не так давно отметил двадцать первую весну, младшему, благословенному князю Аххры, Юым-шаду скоро будет три.

Вино горчит. Пускай. До дна и перевернуть: темные капли падают в ладонь. Они похожи на кровь, только не чернеют. Урлак не обратил внимания на выходку, он рассказывал. О ком? Тегин? Наследник? Это сын местного Владыки.

У Эльи со Скэром тоже могли быть дети. Наверное. Скэр – сволочь, а с тегинном Элья не знакома, но стоит ли ждать чего-нибудь хорошего от людей?

Урлак проигнорировал протянутый кубок, лишь заметил:

– Сейчас лучше слушать, а пить будешь после, – и гораздо более жестким тоном: – Тебя изгнал собственный народ, следовательно, тебе придется учиться жить здесь. Если ты не научишься – умрешь. Может статься, это произойдет даже раньше, чем тебе в голову придет сама мысль учиться. Вас достаточно ненавидят, чтобы на твою казнь собралось все население этого городка. Или Ханмы, если мне захочется устроить представление в столице. Каган оценит, тем паче, что твоя смерть никоим образом не повредит переговорам. Понимаешь?

Он говорит о золотых фигурках на синем шелке, коленопреклонных, умирающих во имя чужой победы. Он не знает, что без крыльев Элья уже труп.

– И умирать ты будешь медленно. Не так долго, как длится эта война, но достаточно, чтобы удовлетворить ненависть народа. Поверь, склана, я не пугаю тебя, я лишь показываю возможные варианты. И искренне удивлюсь, если тебе придется по душе тот, в котором с тебя снимают шкуру на главной площади Ханмы.

– Не надо. – Элья мотнула головой. Дикари. Они еще большие дикари, чем ей казалось. Жестокие, жадные до крови и чужой боли. – Я готова слушать.

– Замечательно. Итак, тегин Ырхыз личность в высшей степени неординарная и столь же неоднозначная. Мальчик, бесспорно, талантлив, хотя имел не так много возможностей эти таланты проявить. Тем и важен для него любой новый шанс, каковым и является грядущее подписание мира.

Мир? Что ж, переговоры начались давно, сразу после рубки при Вед-Хаальд.

– С одной стороны, несомненно, формальность, с другой – пусть народ славит не только победителя, но и миротворца.

– А с третьей – у вас какие-то сложности? – Элья спросила наугад.

– Никаких сложностей, скорее случай, который вполне может оказаться счастливым. И для тебя в том числе. Ты поможешь Ырхызу и получишь место в его свите, а это означает защиту и возможность жить, пусть не так, как прежде, но и не так, как сегодня утром.

– Вы хотите, чтобы я...

– Рассказала чуть больше о ваших законах, о традициях, о привычках. О тех, кто должен сказать со стороны клан железное слово и поставить свою фамильную печать под договором! – Вот теперь он нервничал. Чешуйки-костяшки летели по нити четок уже беззвучно, но быстро, и все больше ускоряясь.

Он не врет, но явно недоговаривает. И на вопросы вряд ли станет отвечать. Но Элья все же задала:

– Почему вы считаете, что я смогу рассказать что-либо об участниках переговоров, я ведь просто...

– Просто свалилась с неба. В стороне от основных путей, вблизи от старой фактории, где все-таки, как я понимаю, портал работает. В дни, когда эмана еле хватает на самые неотложные нужды. И спустилась ты с охраной. Была рубка, были раненые. Были и убитые. Спрашивается – почему? Кому и зачем нужно тратить эман и сопровождающих на изгнанницу? Молчишь... Твое право. Что ж, так *ему* даже интереснее будет, он у нас любит загадки разгадывать.

Внезапно нефритовая змейка выскользнула из пальцев и упала на ковер, Урлак вздрогнул и заговорил совершенно иным тоном:

– Тегин меняется. Он и прежде был несколько неуравновешен, но после ранения стал... как бы это выразится... еще более странен. Это пока не проблема, но вполне может ею стать. Ты должна об этом помнить всегда.

Элья прикрыла глаза. Стабильность паршивости: постоянно только то, что одна мерзость сменяется другой. А выбор... Его иллюзия красочно проиллюстрирована на стенах шатра.

Она уже труп. Но трупом можно стать по-разному. Тому икке хотя бы больно не было. Наверное.

– Не обманывайся мыслью, что сможешь влиять на него. – Урлак подобрал четки. – Просто постарайся понравиться. Это твой единственный шанс. Используешь – будешь жить, не используешь... На все воля Всевидящего.

Воля Всевидящего и вино на дне бокала. Воля Всевидящего и решение, которое на самом деле уже принято. Воля Всевидящего и надежда, которой можно себя тешить.

А думается туго. В голове, залитой красным вином, одна-единственная мысль осталась: выжить. И отгоняя ее, Элья задала вопрос, который в данный момент показался наиболее важным:

– И вы не боитесь, что я его убью каким-нибудь стилем? Как врага своего народа?

– Хотел бы я посмотреть на эту попытку, – усмехнулся Урлак. – Как и на ее последствия для тебя. Кстати, ты говоришь о том народе, который отрезал тебе крылья и бросил умирать внизу?

Элья незаметно закусила щеку. Нет, конечно нет. Среди них множество хороших: и малышка Маури, и дядя, и Лаэн. Множество тех... Тех, кто подобно Раарду предпочел отвернуться.

Они ведь знали! И предупредить могли. Или нет?

– А вам какая выгода? – второй вопрос, лишенный смысла. Похоже, Элья бездарно расходует шансы в этом разговоре.

– Твоими устами сейчас управляет глупость, дерзость или вино? – холодно спросил Урлак. – Я сделаю вид, что причина – в крепком напитке из Катурра. И в том, что ты плохо себе представляешь, какие вопросы можно задавать посажному Урлаку, а какие – нет. Не считай себя чем-то большим, чем ты являешься. А являешься ты лишь подарком одного благородного человека другому благородному человеку.

И снова он говорил правду. Впрочем, Элья чувствовала, что кроме озвученных причин, были и другие. Раньше она без труда бы их разглядела. Как видит сейчас, что лед в глазах посажного – та же ненависть, только глубоко примороженная и обузданная. До поры.

– Подробности лично для тебя ничего не изменят, лишь помогут легче справиться с ролью. Но их мы обсудим в дороге. Из важного... – Урлак коснулся подвески, затем обеими руками век. – Я надеюсь, ты веришь во Всевидящего, Создателя и Разрушителя, Дающего и Берущего?

– Верю.

Копыта разбивали лед, мешая его с землею и жесткой травой. Черная жижа оседала на конских ногах и, к вечеру леденея, застывала каменной коркой. Каждый вечер её счищали, уговаривая лошадей потерпеть. И ведь терпели, пар выдыхая. Лишь влажные от дневного бега шкуры вздрагивали, когда больно становилось.

Элья постепенно привыкала к этому странному ритму, подчиненному одной-единственной цели – движению вперед. К запахам – конского и человеческого пота, навоза, дыма костров и приправленной острыми специями каши. К звукам – ржанию, голосам, звону, лязгу, топоту да скрипу. К ломоте во всем теле, вытеснившей боль заживающих ран, и каменеющим мышцам ног – прежде ей не доводилось столько ездить верхом.

Пожалуй, хуже всего было с холодом, от которого не спасал ни огонь вечерних костров, ни толстая куртка на меху. Он забирался под одежду, оседал на губах мелкими кусками льда и болью в горле, мешая говорить.

Впрочем, к этому Элья тоже привыкала.

Как и к суетливому толстяку в просторных черно-белых одеждах с символом Ока Всевидящего. Жрец – харус по-местному – появлялся по вечерам вместе с переносной треногой, котелком да кусками желтого воска.

Каждый раз одно и то же: угли, резковатый запах горящих трав, воск, что расплавлялся до мутной жижи; снова травы, уже в котелок; глухое бормотание; и очередная табличка, на которую воск выливали. А потом, повинувшись требованию охранника Паджи, Элья оставляла на воске отпечаток ладони. Когда левой, когда правой, когда обоих. Таблички харус не выбрасывал, но складывал в другой мешок.

Зачем? Элья не спрашивала. Впрочем, ответов все равно не было бы.

Вскоре вышли на Красный тракт, по словам Паджи – величайшую из всех дорог. Она и вправду была хороша: массивные плиты из темно-красного камня до того плотно прилегали друг к другу, что между ними не росло ни травинки. А порой и стыки проглядывались с трудом.

Ехать стало легче. Дорога тянулась прямой линией, прорываясь сквозь припорошенные ранним снегом поля, темные полосы ельников и прозрачные, видные на сотни метров вперед березняки. Встречались люди, повозки и телеги, запряженные медлительными черношкурными волами, порой целые обозы беженцев-переселенцев, зачастую растягивавшиеся на полдня пути. И тогда над Трактом летел громкий упреждающий крик:

– Дороги! Дороги посажному князю!

Посажный – значит посаженный на владение, принявший милость из рук Ясноокого Кагана; высочайшая честь, доходная должность. Но мысли свои Элья предпочитала держать при себе, равно как и наблюдения. К примеру, о том, что человеческие поселения, подбиравшиеся к Тракту, были либо разорены, либо бедны, грязны и изрядно вонючи. Они чадили дымом печных труб, расползались куцыми огрызками подворий и дворов, напоминающих Элье одновременно и клетку, и повозку Арши. И оттого она радовалась, что Урлак брезговал оставиваться в подобных местах. И только снова несло над Трактом:

– Дороги! Дороги посажному князю! Дороги!

День ото дня поселений становилось все больше. И дома в них менялись, делаясь выше и чище; и стояли они тесно, порой и вовсе наползая друг на друга. В таких местах двигаться было еще тяжелее: пускай и жались к обочине повозки, рвали шапки с голов простые люди, кланяясь до самой земли, но места не хватало. А еще спустя день его и вовсе почти не осталось: Тракт ожил, закипел толпою, поставил преграды и оскалился откровенным недовольством. Теперь дорогу уступать не торопились, и легкая конница посажного князя, Урлак-шада увязла в муравьиной куче, медленно ползущей к воротам Замка.

Ханма – это от ханмэ. А ханмэ означает и замок, и человека, им владеющего. Получается, тот, кто сидит в столице, будет дважды ханмэ? Или ханмэ Ханмы?

У людей и язык путанный.

– Величайший из городов, – сказал Паджи, подымаясь на стременах. – Спорим, крылана, тебе прежде не доводилось видеть такого?!

Паджи любит спорить. За время пути он уже успел проиграть лисью шапку и серебряный перстень, зато приобрел шитую бисером лошадиную сбрую. Паджи – назначенная Урлаком тень, то ли спутник, то ли надзиратель, веселый, говорливый, готовый по любому поводу расхототаться. И в то же время Элья ни на мгновение не обманулась этой веселостью: получит приказ и перережет горло, с той же улыбкой, прибаутками и, возможно, поставив сбрую на то, как долго она, крылана, протянет со вскрытой глоткой.

Серые стены возникли чертой, непреодолимой для многих. О вал их разбились черные дома, подобравшиеся почти вплотную к запретной границе. И обидой, жалобой Всевидящему тянулись вверх сизые нити дыма.

– Гляди у меня. – Паджи, наклонившись, забрал поводья. – Толпа толпою, но если чего...

Отвечать Элья не стала. Как бежать, если через десяток метров ее просто забьют камнями? Серую кожу не спрячешь надолго под плащом. Сейчас она отчаянно нуждается в сто-рожевом псе, отгоняющем человекoв криками и плетью-камчoй.

Там за стеною начинались улицы. Они расходились в стороны, исчезая за углами громоздких строений, почти застивших небо.

– Дороги! Дороги посажному князю!

Копыта застучали по мостовой – камень не красный, но серый, изрядно истрескавшийся – и звук, отраженный стенами, вдруг ударил наотмашь, заставляя зажмуриться. Больно! Темно! Шумно! Как здесь можно жить?

– Не свались! – Паджи ехал рядом, стремя в стремя. – Затопчут.

Впереди многоцветная река лошадино-человеческих спин, сзади – то же многоцветье, но уже морд или лиц, внизу – грязь, вверху – едва видимое, разодранное на лоскуты небо.

И совсем не видны Острова.

– Дороги, дороги посажному князю!

– Куда прешь, дура! – заорал водовоз прям в ухо.

Арша еле-еле успела в сторонку отскочить, а вот крикнуть, что сам он дурак – таки не успела, замешкалась. А сзади снова пронеслось:

– Па-а-а-берегися!

Каваш – справдый город, чего уж тут сказать. Таки тут зевать немашечки, и Арша, отпрыгнув в сторонку, прижалась к обывдеветей стене, кулачком утерла слезы. Обида душила изнутри, и на водовоза, и на этого, который с тележкой перемерзлой репы прет, а пуще всего на Вольса. Вот же ж дал Всевидящий супружника! Поначалу-таки слухать не слухает, лезет куда не надобно. И добре как чего хорошего приволок, таки нет, таки страховидлицу эту серошкурую, которая, почитай, едва-едва не сдохла. Ходи за нею, корми, гляди... Ну страхо-видлу-то Арша с прибытком запродала. Это ж семь «кобылок»! Да не медью – серебром полновесным! А еще вчерашняя денга, хоть и медь, но тоже очень хорошо! Оно совсем много вышло-то, так, что по прежнему времени-то и не представить столько-то богатства! Это ж и на железо, и на инструменту новую для Вольсовой кузни, и на скотинку-таки хватило бы. А еще б на платье красное, с пуговицами резными, к нему – сапожки из козлиной кожи с железными гвоздиками на подметке, а Вольсу – на портки новые и кемзал вышитый.

Но отнял же, гад, все до монеточки последней. Таки у него целее будет! И таки сгинул. Видать, не будет ни коровки, ни сапожков, ни платья.

– Да-а-ароги! – раздалось грозное. Громко гремя копытами и броней потянулся отряд конников. Свистнула плеть, раздался истошный визг, ругань и снова: – Да-а-ароги!

– Только орать и гораздыя, – буркнул мужик в драном полушубке и сползшей на одно ухо шапке. – Волчаки. Шоб им слепца подхватить.

И объяснил, хотя Арша-таки и не спрашивала, ей-таки все равно было:

– Своих ловят и вешают. Видала при воротах-то?

А то как же! Трое висельников, старые, страшные, одно хорошо, что уже несмердючие. Ну-таки было б это какое диво, а так – висельников по нынешнему времени в каждой деревне полно.

– А неча супроть кагана идти! – подхватила толстая баба в шали. – И правильно, что вешают, запросто так никто на веревку не потратится.

– Дура! Запросто... Запросто так не потратятся. – Мужик почесал бороду. – А если не запросто? Слышала, небось, что замиряться станут? Тегин-то крыланам крепко хвосты накрутил, а еще б чутка, то прям на облаки ихние и вышел бы.

– И шо?

– Вот тебе и шо. Ранили-то тегина, аккурат и свои ж ранили, которые не свои, а кхарнцами купленные, потому как там, – мужик ткнул пальцем вверх, Арша задрала голову, но ничего, кроме узенькой голубой полоски неба, не увидела. – Там много чего есть. Там эман, и колдунство не то, что тут. И ежели б тегин добрался, то мигом бы всех к струночке поставил, и кхарнцев, и торгашей Лиговских. Вот они, значит, и подсуетилися. Тегина убрали, вместо него князя посажного поставили, и сказали со скланами замиряться и всех, кто тегину верный, попереवेशать, чтоб, значит, смуты не было.

– Ой, рот твой брехливый...

– Мой рот говаривал с кумом, у которого брат – конюший у Халем-нойона, так он сказывал...

Всадники уже скрылись, опустевшая улица вновь пришла в движение, а эти двое продолжали спорить.

– А я те говорю, что хрена у них сполучится. Тегин-то очуняет, небось, и тогдашечки всем покажет, где раки зимуют – и кхарнцам, и серошкурим.

Вспомнив про склану, Арша вспомнила и про деньги, и про платье, которого точно не будет, и от огорчения и обиды пихнула кого-то в бок, заорав:

– Куда прешь!

Вольс объявился спустя два дня, боком заполз на козлы, дыхнул перегаром и, сгорбавшись, сказал.

– Отобрали, услепки. Все отобрали. Напали о пятерых. И с ножами еще.

Он пощупал подбитый глаз, подтянул вверх подранный кусок рубахи и, нахмурившись еще больше, спросил.

– А тебя-та тут не заобидели?

Арша мотнула головой. Жальче всего было платье, красного и чтоб пуговицы резные, и сапожков с железными гвоздиками. В них бы и похоронили: красиво б в домовине лежала б, как настоящая наир.

– Ты-та не спереживай. – Вольс прокашлялся. – Я-та вот чего, на, держи...

Достав из-за пазухи сверток, впихнул её в руки.

– Тама эта... Сказали хороший.

Внутри лежала темно-красная, цвета выспевших ранеток, ткань; плотная шерстяная, богатая с виду. А пуговицы, пуговицы Вольс вырежет, у него руки золотые, а что пьет и дерется, ну так кто ж с мужиков другой-то?

Платье и вправду вышло красивым, как у мельничихи, и даже лучше, потому как у мельничихи пуговинок на один ряд, а у Арши – на два. И складочек по подолу больше, и рукава подлиннее, попышней.

Арша часто вытаскивала его из сундука, раскладывала да любовалась, думая, как хороша в нем будет, ляжет в домовине госпожою, молодая да красивая, а все будут глядеть и удивляться. А что обувки нету, таки не беда, она нарочно подол подлиннее сделала, чтоб ноги закрыл.

Надеть платье так и не вышло: через тринадцать месяцев, день в день, то, что осталось от Арши, нашли в лесу. Поглядев на истерзанные останки, староста заикнулся было про медведя, но Вольс, заткнув за пояс топор, сказал:

– Таки не медведь.

И ушел в чашу.

Он оказался прав, но это его не спасло.

Бельт

- Что ты хочешь за эту золотую фигурку?
– Меру денег.
– А за такую же бронзовую?
– Две меры денег.
– Почему так?
– Потому что, когда тебе понадобится, ты сможешь из бронзовой фигурки сделать хороший нож.
– А почему мне сразу не купить нож?
– Потому что все сразу узнают, что ты купил нож и купят по два ножа. А так ты сможешь долго любоваться своей фигуркой, и все смогут долго любоваться твоей фигуркой, путая ее с золотой фигуркой, и даже не думая про нож.
Притча.

- Ты о притче про фигурки?
– Да.
– Чушь. Потому как тот, кто твердит, что бронза лучше золота, на самом деле просто не способен дотянуться до этого самого золота. А любая золотая фигурка стоит тысячи бронзовых.
– Ну это смотря какой мастер возьмется за бронзу.
Разговор в старом замке.

– Ну не ерпенься, не ерпенься, – прошептал Бельт, наклонившись к самому уху коня. – Нельзя нам по нормальным дорогам. Дальше полегчает.

И вправду полегчало. Ели, росшие по краю леса плотной враждебной каймой, сменились стройными соснами. Деревья тянулись к небу, и свет, просачиваясь сквозь сито игл, скатывался по желтой, будто вызолоченной, коре. Пахло хвоей и смолой.

Бельт знал эту обманчивую ясность вечернего Ока, а потому принялся подыскивать место для ночлега. Темнело быстро: еле-еле успелось набросать подстилку из ветвей, подсобрать дров на костер да пару петель кинуть – вдруг с дичью повезет? Расседланный, кое-как растертый жеребец драл смерзшуюся траву, тяжело переступая спутанными ногами.

Затрещал огонь, вцепившись в сухие разлапистые ветки, и стало почти хорошо.

Даже Чуба затих.

Бельт прищурился, отыскивая в темноте силуэт коня. Рука поползла к рукояти ножа.

С глухим хлопком в примороженную землю вросла стрела. Длинная, тонкая, с белым тройчатым оперением.

– Эй! – Бельт медленно поднял пустые ладони. – Я все понял. Я сижу тихо и спокойно.

Справа громко треснула на ветру сосна, слева – зашелестела, летя к земле, ветка. А сзади, там, где засел неведомый лучник, было тихо.

– Выходи к костру, нечего мерзнуть, – произнес Бельт как можно более дружелюбно.

И рук ведь не опустить, потому как следующая такая белооперенная дрянь в шею войдет. Или в спину. Хоть бы отозвался, сученыш! И наверняка ведь не один.

– Вытряхай сумки, охлызень! – голос раздался с другой стороны от костра. Человек старательно избегал света, зато наверняка видел Бельта как на ладони. Не лучник. Точно не лучник. Значит, не меньше двоих.

Мерзкое ощущение того, что железный наконечник выцеливает лопатку, не пропало. А лоб и живот ничего не чувствуют.

– Сам охлызень. – Бельт всё-таки решил руки опустить, но сделал это плавно – лучник, тут хоть божье благословение на кон ставь, сейчас задержал дыхание.

– Ну в рыло ты всяк огребешь. – Невидимка явно переместился в сторону, но так, что под ногами не треснул ни один сучок, не шелкнула даже иголка. Привычный к лесу, значит. – А вот за отсутствие политесу можешь и деревяшку в башку схлопотать. По нашему лесу ездешь, значит, с наших дров костры палишь, нашей травой коней кормишь, да еще и хамишь. Нехорошо.

– Остынь, Равва! – В круг света также бесшумно скользнула новая фигура, гибкая, текущая какая-то. Доводилось Бельту знать одного человека, который умел так вот ходить...

Неужто? Вот ведь бывают совпадения.

– Здрав будь, Орин! – выдохнул Бельт.

– Узнал, старый хрыч. – Орин шагнул ближе к костру, чуть поморщился – по-прежнему света не любит – и протянул руку. – Ласка! Хрипун! Дышля! Вылазьте, добренький гость у нас.

Обнялись. Люди-тени следили, замерев на самом краю темноты, готовые в любое мгновение нырнуть вглубь леса.

– А я думал, что ты уже в подтабунариях ходишь да без стремянного и пары камчаров поссать не отбегаешь, – рассмеялся Орин и дружески хлопнул по плечу. Все равно вышло как-то чересчур уж крепко, ну да у него всегда рука тяжелой была, хотя весу в парне – кот наплакал.

– Неправильно думал.

– Да уж вижу. И даже не знаю, радоваться мне этой ошибке или нет? Эй, Равва, туши костер! Нижайше приглашаю в гости славного господина десятника, что ходил в вахтаге под знаменами Лаянг-нойона. Ходил-ходил, и, стало быть, весь вышел. Но все одно нижайше приветствую камчара.

Кто-то заржал, громко, нагло, так, что появилось желание дать весельчаку по морде.

– Бывшего, Орин, бывшего камчара. Сгнула плетка, хоть и хороша была. А за приглашение спасибо, врать не буду – мне оно кстати.

– Да уж понял. На ребят не сердчай, они славные, только апарансу не блюдут. А что бывший... Так и мы здесь один к одному какие-нибудь да бывшие.

Холодный свет ночного Ока прибивался сквозь туман, волглую шубу которого то тут, то там прорывали зеленые свечи можжевельника. Над поляной мгла выгибалась белым куполом, точно опасаясь обжечься, и только робко втягивала в рыхлое нутро дым костерка.

– А что объяснять, сам все видишь. – Орин подбросил в огонь толстое полено, блестящее на срезе смолой: – Свободные охотники. Когда зайца подстрелим, когда косую. А когда кого и посерьезней.

Он говорил тихо, то ли не желая разбудить остальных, то ли опасаясь, что эти откровения подслушают. Хотя кому тут? Спят все, только храп по лесу летит, распугивая сов да сычей. По храпу их и найдут. Или по вони – такое чувство, будто не в лесу сидишь, а в яме выгребной. Как Орин это терпит-то?

– Бандитствуете, значит.

– Нет, мать твою, молимся во благо всех живущих! – вспыхнул Орин. – Извини, завтра пойдем засеем полюшко и, ежели к весне не очучуримся, то в следующем году соберем отличный урожай репы! Мы ж все земледельцы знатные, особенно Равва с его отчекрыженным за покражи носом. Ну и Хрипун с приговором за мародерство – известный овощезнавец. Осталось только переучить Ласку со шлюхи на скотницу и совсем ладно будет!

– Всё такой же горячий, что твой котел на костре, – произнес Бельт, всматриваясь в гневную маску, столь привычную на этом лице.

Широкие скулы с чешуей омертвевшей кожи. Узкие прорези глаз в распухших веках. Тонкий нос и пухлые губы, слева крепко, до бляшек сукровицы поеденные простудой. А в

остальном такой же, как был: тощий, жилистый, что хадбан-полукровка Лаянг-нойона. И масти одной: конь игрений, Орин – меднокожий да светловолосый.

Прежде, в тяжелом тегилые да в седле он и за наир сойти бы мог. Теперь же, в бобровом плаще и темном кемзале с чужого плеча, Орин выглядел тем, кем и был на самом деле – лихим человеком. Лихим и бездомным, которому одна дорога – на висельню.

– Да ну тебя, старый хрен. – Орин, выплюнув пожеванную иголку, закашлялся, вытер губы рукой и весело уже продолжил. – У самого-то с рожей что? Не свои ж улыбку подправили? В благодарность за службу...

Особенно громко шелкнуло в огне полешко.

– Ладно, Бельт, извини.

– Извиняю, бывший вахтангар легкой конной вахтаги Лаянг-нойона, – невесело рассмеялся Бельт и потрогал повязку, прощупывая рубец. Свежий и мягкий, он стягивал кожу снаружи и дико свербел изнутри, отзываясь на случайные прикосновения языка пульсирующей болью.

Орин же отвел глаза в сторону и тихо сказал:

– Есть у меня вопросец к тебе, командир. Давненький. Но сперва – благодарность. Я ведь тогда толком не успел...

– Не до того было.

– И всё ж, и всё ж. Может, я и дерьмо последнее, но за некоторые вещи – глотку перегрызу. И за тебя теперь ее порву любому, коль уж подвернулся шанс. Я и не чаял.

– У тебя и своих хлопот...

– А ты моих хлопот не считай, – резко перебил Орин. – Будем, словно занюханые купчишки на рынке, должками меряться? Я тебе не двадцать медяков за драную козу считаю, а просто говорю – спасибо. За то, что делал для меня. Я человеческого отношения не забываю.

Бельт пожал плечами.

– А теперь вопрос... – Чувствовалось, что Орин слишком много думал о нем, а, получив возможность задать, вдруг растерялся. – Что с той сволотой?

Бельт, напротив, ответил быстро: знал, о чем спросит Орин, с первой минуты встречи знал. Ждал только.

– Жив. Камы кишки в него обратно запихнули. Он еще умудрился и шаду Хаыму пожаловаться, а тот, злой после драчки в Мофено, ловчих с псами прислал по твою душу. Мы им шмоток погибшего Марги Шыбальца дали понюхать и самолично проводили аккурат в противоположную от твоей сторону. Туда перед тем и разъезд отправили.

– Значит, жив, гад.

– Ну, ты его хорошо подрезал. Сдается мне, что пожрать и посрать для него теперь – пытка. Говорят, он нынче после каждого съеденного куса воеет. А я, если честно, думал, что всё напрасно. Ждал, когда начнут болтать, что тебя вздернули где-нибудь на границе с Хурдом. Болтать-то действительно начали, но как-то неуверенно.

– А вот хрена! – Орин злорадно хлопнул в ладоши и кашлянул. – Я ведь домой не поперся. Грамот нет, а если б и были – меня по ним и приласкали б веревочкой. Да и слышал, что поместье мое арестовали, так что без резону мне туда двигать. Вот и пошел в эти края, поближе Лиге, подальше от столицы.

Громко всхрапнув, рыжий мужик в грязном тулупе перевернулся на другой бок, дернулся во сне, пнул кого-то и, успокоившись, засопел тише, тоньше.

– Этот хмырь за твою башку награду положил, – сказал Бельт. – Вроде «коней» пять давал поначалу, потом до восьми поднял. Полновесом ханмийским.

– Не добавил вошь, – сдавленно прорычал Орин. И снова зашелся сухим кашлем, поднимая над костром рой искр. Одна села на руку, царапнув торопливым теплом, отзываясь на которое заныл, зачесался рубец.

Надо сменить повязку. И чтоб зашил кто. С ниткой, оно скорее затянется.

Орин же, откашлявшись, продолжил, будто ни в чем не бывало:

– Восемь коней, значит? Мой папашка за год столько имел, и то если год хороший. Ну да придет времечко... А пока оно вроде и здесь жить можно, мы уже с месячишко осваиваемся. Ребята хорошие – Дышля с Хрипуном с лета с нами. А Раву-безносого я еще раньше под Хешнином встретил, да не одного. Ласке его подобрать пришло да выходить. Самато из шлюх, хоть и благородственных кровей. Только что с того благородства, когда крыланы поместье огнем спалили. А потом, в наступлении, и каганская гвардия веселья добавила...

– У них золото было, и еда. – Ласка, выскользнув из тени, опустила на землю и вытянула руки над огнем. – Что смотришь? Осуждаешь?

– Нет.

Взгляд ее, прямой, вызывающий, понравился, а сама – нет. Худая, угловатая и не особо чистая. Лоб узкий, подбородок острый, коротко стриженные волосы слиплись жирными прядками, а через рыжую бровь – шрам. Дикая, да и не пойми поначалу – то ли девка, то ли парень. И одета по-мужски: подбитый мехом шапан поверх шерстяной рубахи, некогда нарядной, но поизносившейся; замшевые штаны, вязаные чулки на костяных пуговках и короткие сапоги с широкими голенищами, в которые Ласка понапихала всякого рванья.

– Вот и хорошо, что не осуждаешь. А мой-то братец, с войны вернувшись, осудил. – Она отвернулась, подвинулась чуть ближе к Орину. – Как же – герой, победитель, а сестра – шлюха. Но гляди, я завязала, если вздумаешь...

Перед носом из ниоткуда появилось тонкое лезвие.

– Глотку перережу и с концами. – Ласка улыбнулась, по-доброму как-то, по-человечески. Впервые. А убрав нож, пояснила. – Это так, на всякий случай, а то бывало придут и думают дурное.

– Бельт не такой, – подал голос Орин. – Бельт, он из наших.

– Оппозиция, – понимающе кивнула Ласка. – Что смотришь, я ведь с братом училась, и книги, и языки всякие, и танцы... Зачем мне здесь танцы?

Теперь в желто-зеленых глазах ее виделось удивление и немного обиды.

– Так вот чего, Бельт, оставайся, а? Ласка морду поворачует, не умением, так ласкою. Боец ты знатный, на мечях наших поднатаскаешь. Деньжат накопим и вместе в Вольные рванем.

– И я с вами, – Ласка, осмелев, прижалась к Орину. – А что, куплю платье и буду на празднества ездить... Танцевать.

Карета катилась по тракту. Неторопливо ступали широкогрудые кони, разбивая копытами лед, медленно вращались колеса, позевывал кучер в черном тулупе, и откровенно дремал охранник.

Чуть слышно тренькнула тетива, и стрела вошла в поднявшегося было кучера. Нехорошо попала, в живот, мучиться бедолага станет.

– Эге-ге-гей! – закричал слева Дышля. Охранник кулем свалился с облучка, растянулся на земле. Этот живой: трясется осиновым листом.

– Пошли. – Орин подтолкнул локтем, хотя подгонять нужды не было: Бельт свое дело знал. В несколько прыжков нагнал карету и схватил продолжающих мерное движение лошадей под уздцы.

– Тпру... Стой!

Пришлось почти повиснуть, прежде чем животные остановились.

– Стой, стой, хороший. – Бельт похлопал коня по шее. – Тебя-то точно не тронут.

Кучер так и сидел, прижимая руки к животу. А лук у Ласки знатный, тугой. И откуда для такого столько силы в ее тщедушном тельце? Но поди ж ты – стрела, насквозь прошив бедолагу, прибила его к стенке кареты. Не жилец мужик, это точно.

Бельт потерял интерес к умирающему и принялся разглядывать карету. Обыкновенная, темного дерева, она некогда щеголяла нарядным желтым цветом, но теперь пооблупилась и пошла проплешинами. Родового шеста нет. А герб на двери незнакомый – башня и пес...

Орин, открыв дверцу кареты, поклонился.

– Господин, прошу низжайше простить, однако обстоятельства жизни вынудили меня заняться делом не совсем достойным...

Что ему ответили, Бельт не слышал.

– Шут. – Ласка подкралась как всегда бесшумно. – Когда-нибудь получит болт в дурную голову.

– А ты и рада.

– Я? – Она погладила коня, тот в ответ потянулся к руке, захлопал черными мягкими губами. – Хлебушка, мой хороший? Нету хлебушка, прости. А тебе, Бельт, скажу, что не рада. Но и грустить не стану. Я вообще грустить не умею. Веселая девушка.

– Глупая, – не выдержал Бельт.

– Это с чего еще?

– С того, что над людьми куражишься. Нарочно в живот целилась? Если уж берешься убивать, то убивай, а не... – Слов не хватило, и Бельт сплюнул на землю.

– Жа-а-алостливый, – пропела Ласка. – Знаешь, я тоже жалостливой была. До того жалостливой, что с первым мужиком под рогожку забесплатно прыгнула. Пожалела.

Конь фыркнул и, ухвативши тонкую девичью ладошку, прикусил зубами, но не сильно, Ласка только засмеялась и похлопала по шее. Сразу видать – наир, эти если кого и понимают, то лошадей.

– Я вообще душевная, – продолжила она. – Видимо, потому меня и скопом не насиловали, и глаз не давили, и не накручивали вожжи на шею, а юбку на голову. Везучая. Или мужик нынче обходительный пошел? Верить, нет – ни разика никто мне по морде не съездил. Ну, кроме братца, разумеется.

– И из-за чудесной твоей душевности кучер будет помирать до самого вечера, – утвердительно произнес Бельт. – Я таких как ты в своем десятке собственноручно кончал по-тихому.

– Ну надо же, какой сердобольный: своих кончал, а чужих, видать, бил и плакал. А это, значит, – Ласка протянула руку, скользнув пальцами по рубцу, – от доброты излишней появилось.

– Заткнись, дура.

А у кареты продолжались препирательства. Орин уже начал нервно поглаживать кинжал.

– Милостивый господин, не упрямитесь. Поверьте, то, что я делаю, наполняет мое сердце скорбью, однако же не для себя, для детей, сиротами оставшихся, для вдовиц и стариков, которым в сей трудный час некому помочь, занимаюсь я ремеслом разбойным, – продолжал увещевать он. Вот уж права Ласка – комедиант из балагана бродячего. Отобрал бы кошелек и все, а то уговаривает он. – Но хочу предупредить, что ежели сердце ваше останется глухо к бедам слабых мира сего, я вынужден буду применить лихие меры.

– Скажи ему, чтоб прекратил дурить. Тебя он послушает, – попросила Ласка, сменив вдруг тон на серьезный, и перехватила поводья. – Тихо, мой хороший, тихо. Давай я тебе глазки почищу? А то ишь, загноились. Не смотрят за тобой совсем. А и гриву вычешу, и косицы заплету, чтоб от огня и от железа, чтоб на удачу...

Поднявшись на цыпочки, она что-то шептала в конское ухо, и тут же пальцами ловко счищала гной, скопившийся в углу глаза.

И ведь права: Орину пора заканчивать, а то мало ли.

В карете сидел старик. Седой, сгорбленный он кутался в лисью шубу, такую же древнюю и плешивую, как карета. Бельта старик поприветствовал вежливым кивком и раздраженно сказал:

– Господин, в ваших глазах я вижу больше трезвой разумности. Объясните сему молодому человеку очевидное – брать с меня совершеннейшим образом нечего. Не думаю, что сирот и вдов устроит драная шуба или штаны, к стыду моему изрядно ветхие, о кемзале я вообще молчу.

– Дед, ты мне надоел. – Орин вытащил кинжал. – Не хочешь по-доброму...

Старик клинка не испугался, а преспокойно двумя пальцами взявшись за острие, осторожно отвел его в сторону.

– Молодой человек, всею душою презирая конфликты, я стремлюсь решать дело мирным путем, однако же в который раз подчеркиваю: брать у меня нечего. Кони и те, вероятно, уже не принадлежат мне, поелику не далее как дней через десять пойдут в уплату налога ясноокому Тай-Ы-кагану. Смерть же моя не принесет вам ни славы, ни почета, тогда как будучи живым, я могу оказаться полезен.

– Примерив роль доброго коллектора, скажу, что лошадки эти и вправду имеют вполне осязаемый профит. Они нынче в цене. Но... раз уж ты, упрямый старец, имеешь предложить что-то еще, то я слушаю. Только сразу предупреждаю, я весьма обидчив к вранью, – Орин оглянулся на дорогу, но лес вокруг был спокоен. Визгливо мяукала сойка, слева раздавался дробный перестук дятла, а с ближней ветки за происходящим с интересом наблюдала галка.

– Зима грядет, холода. Не самая лучшая пора для тех, чья жизнь проходит под открытым небом. Не знаю, слышал ли господин, что местные морозы премного люты и не способствуют здоровью? Да и снег, он как чистый лист в руках неумелого писца: каждый след виден, каждая тропа – явна. А лесничие здешние достаточно умелы.

– Ближе к делу.

– О молодость с ее вечной торопливостью. Мой замок, может, столь же стар и беспомощен в бою, как его хозяин, однако же дать приют...

– Не верь ему! – крикнула Ласка издали. – Ловушка.

Бельт мысленно согласился и со стариком – в последние дни ощутимо похолодало, хотя настоящие морозы впереди; и с Лаской – с чего бы этому полудохлому зазывать к себе в гости лихих людей?

– Милый юноша искренен в желании предупредить господина, однако, смею заметить, что я, будучи человеком делового склада, предполагаю собственную выгоду. Мой замок пуст, разграблен и беззащитен перед теми, кому возомнится отобрать у меня последнюю малость. Тогда как ваши люди сильны и владеют оружием лучше моих несчастных и больных слуг... каковых теперь стало на одного меньше. Есть еще одна причина, но о ней, уважаемый, я готов буду сказать позже.

– Старик, я предупреждал – не терплю брехни, особенно неловкой.

– Эй, Орин погоду, – из кустов раздался гундосый голос Раввы. – Тама в болотах и вправду есть замок. Тама, бают, заваруха была какая-то, после которой и захирел он. Да и про хозяина, старого пердуна, я чего-то слышал в Камышинах. Нету тама дружины. Вроде.

– Ну вот видите, ваш коллега в некотором роде подтвердил мои слова, – произнес старик. – Теперь, надеюсь, позволительно будет узнать имя того, с кем столкнула меня на тракте судьба?

– Орин. Орин из... леса. – Он убрал кинжал в ножны и, отвернувшись, согнулся в приступе кашля. Дед вежливо ждал и продолжил, лишь когда Орин выпрямился.

Прав, старый черт, до весны они не дотянут.

– Итак, Орин, вы получаете зимнюю квартиру, тепло очага и горячую похлебку. Я же – защиту от иных... коллекторов. Кроме тех, что носят печать здешнего шада, разумеется. Или вы думаете, что все происходящее – хитроумный капкан на полдюжины залетных разбойничков, уж извините, не самого серьезного пошиба? С такими вещами справляются обычные

облавы и патрули. Рано или поздно. Кстати, и от них вас вполне удачно охоронит замок. Не стенами, нет – статусом, уж не знаю, знакомо ли вам это слово.

– Попридержите язык, любезный. – Орин отступил на несколько шагов и посмотрел на Бельта. Тот закрутил было головой, но явное отрицание вдруг перешло в сомнительное пожатие плечами.

Старик следил за происходящим, чуть высунувшись из кареты.

– Я могу переговорить с вами? – обратился он вдруг к Бельту. – Всего несколько слов.

Медленно, с крайним нежеланием в каждом движении, Бельт все-таки залез внутрь и сел напротив старика. Скамья холодила ягодицы сквозь тонкие шерстяные штаны.

– Насколько я понимаю, – тихо произнес хозяин кареты, – юноша здесь... не совсем главный.

– Вы понимаете неверно.

– То, что он гоняет пару оборванцев, еще ничего не значит. – Старик указал сухой рукой на Орина и вынырнувшего из чащи Хрипуна, который отчаянно махал руками, указывая то на дорогу, то на лес. – В моем возрасте внимание обращаешь не на слова, но на важные мелочи, которые на поверку и не мелочи вовсе. К примеру, что из теплой одежды у грабителей один тулуп на всех, и тот на рыбьем меху. Что, хм, предводитель скоро будет не просто прочищать горло, а биться в приступах кашля в горячечном бреде. А юноша у лошадей худ настолько, что и до горячки не доживет. Еще – начинаешь подмечать быстрые, осторожные взгляды, ищущие совета и поддержки. Даже те, которых не замечает ни человек, к которому они обращены, ни человек, их рождающий.

– Все-таки ты слишком много говоришь, старик.

Орин все громче орал на Хрипуна, к их перепалке присоединилась Ласка.

– Вы тоже это заметили? Тогда буду честен, но прошу вас сохранять спокойствие. Ах, эта моя старческая вьедливость и внимательность. Но именно она и помогла мне приметить разъезд ловчих всего в полуфарсахе отсюда. Но если не по тракту, а по тропам, напрямую – и того меньше. Конечно, на пути наличествует деревенька, и разъезд вполне способен задержаться... Или наоборот, впасть в некоторую спешку, заслышав о грабителях.

Бельт дернулся и сгреб говорившего за отвороты шубы.

– И поначалу я просто тянул время, – как ни в чем не бывало продолжал тот, – в тайной надежде, что честные воины поспешат, дабы профессионально обсудить вопросы налогообложения с вашим сведущим другом. Видите, насколько я откровенен с вами?

– Ты, вонючий башмак, я успею вскрыть тебя напоследок!

– Не горячитесь. По моим расчетам, у вас имеется достаточно времени, чтобы дослушать меня и принять решение. Я действительно затягивал беседу, пока не разглядел в вашей славной компании кое-что, что обещает обернуться взаимной выгодой. Вы себе и представить не способны, какой выгодой. Ваш молодой говорливый друг... Но, впрочем, вот эти подробности мы сейчас уже действительно обсудить не успеем. А потому – скажите несколько слов вашему подопечному, загоните всех в карету и едем. Иначе совсем скоро ваши проблемы решаться иным путем. Наверняка – неприятным.

Под ногами выскочившего из кареты Бельта захрустел ледок лужи.

– Равва – тащи лошадей из кустов, быстро! Остальные – внутрь! – заорал он. – Ласка, править умеешь?

– Бельт, тама солдаты. – Повернулся к нему Хрипун. – И скажи Орину, што я не пьяный... точнее, пьяный, но ведь я лес чую, я его как родного...

– Знаю, уходим, быстро! – Бельт пинком поднял с земли трясущегося охранника и запихнул его в карету.

– Ты ему веришь? – спросил Орин, ухватив за плечо бывшего командира.

– Я верю себе. Лезь.

– А-ну, доходяжные, бегом в карету! – пролаял Орин, запрыгнув внутрь.

Подобрав полы тулупа, полез следом Дышля, Хрипун ломился в противоположную дверь. Равва, выбравшись на дорогу с лошадьми, вертел головой, силясь сообразить, чего делать. Сообразил, вскочил в седло, заерзал, приноравливаясь. Ласка ловко взобралась на козлы и, схватив поводья, хлестнула по лоснящимся спинам. Бельт взлетел с другой стороны, подперев возницу. Тот заскулил еще сильнее.

– И не потеряйте беднягу Рори. – В окошко на передней стенке высунулось остроносое лицо старика. – Вам еще с его женой объясняться.

Окошко захлопнулось.

Гнедые приняли с места тяжело, но вскорости пошли приличной рысью, а потом и вовсе галопом. Карету подкидывало на камнях, но Ласка вроде управлялась.

Бельт, ухватившись за ухо, приподнялся – сзади было тихо. И собак не слышать. Ну да если в разъезде нормальный егерь имеется, то и без собак найдут. Особенно, если специально ищут. И если старик не соврал.

– Не верю я ему. – Ласка подхлестнула лошадок. – Не верю и все. Вот с чего бы ему такому доброму быть? И тебе не верю. Вот с чего бы тебе такому умному быть? Поперевешают нас. Или четвертуют, как и полагается.

– Можешь слезть и валить в лес. – Бельт, вцепившись в ледяные доски, свесился, вывернул голову – нет погони.

А может, и не было никогда? Где-то совсем далеко над лесом взмыла черная воронья стая. Потревожили? Но кто? Нет, не разглядеть, не услышать.

Рядом, то и дело оглядываясь, рысил Равва.

Возница заплакал. Снова открылось окошко:

– Бельт, там поворот должен быть, влевку, от каких-то двух кривых сосен.

– Узкая такая тропа, милостивый сударь, – тут же встрял старик. – Увы, прежде наезжанная, она отныне являет собой жалкий пример того, сколь быстро природа управляется с деяниями рук человеческих.

– А ты руками по ней ездил, что ли? – огрызнулась Ласка, натягивая поводья. Кони пошли чуть тише, трясти стало меньше, а сзади по-прежнему было пусто.

– Пусть старость холодна, как кровь в болезном теле, но спешный суд не свойственен тому, кто прежде был горяч и, жаром воспламен, ошибки совершал.

– Но тот лишь мог понять, что в годы молодые нам свойственно гореть и свойственно судить, кто сам судил не разумом холодным, но сердцем да законами, что честью называясь, от божьего суда идет, – не оборачиваясь, подхватила Ласка.

– Мой юный недруг знаком с «Почуением» Улькана Лысого? Что ж, пожалуй, тогда он вспомнит и такие слова: и недоверия тяжелый яд мешает небо понимать...

– Но глупым назову того, кто незнакомцу доверять спешит, надеясь на противоядь.

– Ласка, не умничай, – велел Орин. – Бельт, не прогляди поворот.

– Дурак, – пробурчала Ласка в уже закрывшееся окно.

А поворот и вправду едва не пропустили, уж больно незаметным он был. И дорога отвратительная: в ямах и черных гребнях смороженной земли, что с хрустом ломались под копытами и колесами. Равве пришлось пристроиться в хвост – до того узкая.

Скоро ночь, а в темени по кривым дорожкам только нежить и ходит. Нежить и разъезды. Бельт в последний раз оглянулся, убедившись, что сзади по-прежнему пусто. Тем временем лес редел, становился светлее и прозрачнее. А потом и вовсе лохматый вечнозеленый вал замер, оборвавшись у самого края болота, серо-черными, грязными крыльями расстилавшегося по обе стороны дороги. Теперь она стала четче, две выбитые колеи шрамами протянулись в мутную даль, где небо, притираясь к земле, сливалось плотной свинцовой пластиной.

– Н-но, чего стали! – Ласка зло стеганула лошадей. – Ты это видишь? Ловушка это, нет здесь никаких замков.

Однако замок был, в чем они убедились спустя час. Старый, сложенный из крупного неровного камня, с единственной квадратной башней и узким рвом, из которого торчали бурые плети прошлогоднего камыша. Узкие бойницы слепо щерились в небо, а высокие, местами начавшие разрушаться стены гляделись ненадежными.

– Чуть какая-то, – бормотала Ласка. – Ну не ханмэ Мельши же это?

Какой же замок, так, крепостица из старинных, непригодных к нынешним войнам. Пара орудий за полдня её с землей сравнивает. Да и без пушек-то лет через пятьдесят сама развалится, по старости.

– А если все-таки Мельши, девушка – вы ведь девушка? – Нос старика опять торчал из окна, аккуратно у локтя затихшего возницы. – Если это ханмэ-замок Мельши? Что тогда?

– Твою ж мать. – Ласка вдруг опасно оглянулась на хозяина кареты.

Тот лишь улыбнулся уголками губ и скрылся в недрах.

– Мельши? – Бельт не очень-то понял, но тоже невольно понизил голос.

– Мельши... – эхом повторила Ласка. – Дурной замок, последний дом прежней каганари.

– Чего? – Бельт никак не мог ухватить нужную мысль, хотя она была уже почти осязаема.

– Того. Когда наш каган в молодости организовал...эээ... ну не переворот, а...эээ... вступление на трон, то вырезал под себя тогдашнюю верхушку. Не без помощи рода Ум-Пан, владевшего ханмэ-замком Мельши. Глава рода, Хэбу Ум-Пан, был не дурак. Он в свое время отдал за наследника младшую дочь, а когда тегин стал каганом...

Карету трянуло на особенно крутом буераке. Возница начал заваливаться на Ласку, но та толкнула его на Бельта и продолжила:

– ...тогда Хэбу вошел в силу. Потом дочка Хэбу округлилась животом, и молодого кагана вообще стали покойником числить. Деду-то при внуке-молокососе лет тридцать можно было в советника и опекунах состоять, а папаша-каган был в этой цепочке лишним. Но молодой Тай-Ы оказался еще больший недуррак, чем Хэбу.

Колея выгнулась полукругом, огибая холмик, на котором стояла крепость. С одной его стороны из развороченной земли, почти параллельно болотной равнине росло дерево.

– Гляди, – шепнула Ласка, – видать, еще с осады осталось.

Толстые веревки корней удерживали ствол на весу, растопыренные ветви клонились к земле, а на коре белой коркой лежал снег.

– Ну и молодой Тай-Ы сам сунул голову в капкан. Во всяком случае, так всем казалось. Он созвал Курултай и объявил двухгодовалого Ырхыза наследником. Хэбу, должно быть, плясал от радости: внук на троне, дед у трона.

Дорога ползла вокруг крепости. И теперь была видна пообсевшая, кое-как подлатанная свежей кладкой стена.

– И был праздник, – вновь заговорила Ласка, теперь она глядела прямо перед собой, а куда именно – не разобрать. И глаз ее не видать, зеленых, чуть разбавленных желтыми мазками, совсем как у болотной рыси. – Большой праздник: все присягали на верность Ырхыз-тегину. Мои дед и отец тоже. Тогда собрались все мало-мальски серьезные семьи. Ум-Пан поперед прочих. Их резать первыми и начали. А бабушка с той ночи умом тронулась... Я у нее сказку прошу, а она уставится в угол и бормочет, про жемчужное ожерелье на Сануш. И про красное на желтом шелке. И про большеглазых жрецов, которые кого-то там рубили. А потом Ырхыза обреченным тегиним называть повадилась. Ну дед её от людей и спрятал, чтоб разговорами бед не наделала. У Тай-Ы-кагана ведь отличный слух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.